
СЕНСАЦИЯ: ЭКСПЕРТИЗА
АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
Ученый, внук революционера
БОЛЬШЕВИКИ. 1917
КАК КУЧКА ЛЮДЕЙ СОКРУШИЛА ИМПЕРИЮ?
Кто оплатил революцию?
Обида «маленького человека» на весь мир
Разгадка главного феномена истории

Антон Антонович Антонов-Овсеенко
Большевики. 1917

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6998761
Антон Антонов-Овсеенко. Большевики. 1917: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085307-6

Аннотация

Журналист, писатель и ученый А. А. Антонов-Овсеенко, внук знаменитого революционера, посвятил свою книгу самому загадочному феномена русской истории – большевизму. Как небольшой группе революционеров удалось сокрушить огромную империю? Кто на самом деле оплатил русскую революцию? Благодаря чему большевики удержали власть? Все эти вопросы остаются актуальным и для новейшей истории! Автор создавал свой труд на основе многолетних исследований архивов и уникальных документов.

Содержание

Предисловие. Вопросы 5
Глава 1. Большевизм. Истоки 9
1.1. «Призрак коммунизма» и II съезд РСДРП 10
1.2. Цензура печати от Ришелье и Бисмарка до Николая II и Ленина I 18
1.3. Первая русская революция: «Добить правительство!» 22
1.4. Между первой и второй: французская эмиграция русских социалистов 34
Глава 2. Война. Внутренний фронт 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Антон Антонов-Овсеенко
Большевики. 1917

Антон Антонович Антонов-Овсеенко – советский и российский журналист, писатель, ученый. Родился 11 марта 1962 г. в Тамбове. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1994 г. защитил кандидатскую по истории, в 2013 г. – докторскую по филологии. В СМИ прошел путь от печатника до гендиректора, от корреспондента до главного редактора, работал в «МК», «Ъ», «Метро», «ИДР» и других СМИ, занимался предпринимательством в области масс-медиа и рекламы. Автор и составитель научных и популярных публикаций и книг. Профессор-преподаватель российских вузов. Внук революционера Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, сын писателя-диссидента Антона Владимировича Антонова-Овсеенко.

В книге использованы фотографии из архива автора фоторепродукций

Предисловие. Вопросы

Революция в России началась в конце февраля 1917 г. с демонстраций женщин – работниц Петроградских мануфактур и закончилась арестом Временного правительства 25 октября. А то, что ранее называлось Великой Октябрьской социалистической революцией, на самом деле было большевистским переворотом, хотя и совершённым под лозунгом созыва Учредительного собрания, но преследовавшим единственную цель – захват и удержание власти.

Временное правительство, от которого усилиями Керенского к 25 октября оставалась лишь жалкая «директория», не спешило с созывом всероссийского народного предпарламента, который и должен быть принять главные решения – о государственном устройстве, мире, земле и собственности на средства производства. Большевики же пошли дальше: выполнив своё обещание созвать Учредительное собрание, но убедившись, что оказались в нём в меньшинстве, они попросту его разогнали. Караул устал.

Но как именно удалось большевикам захватить власть в 1917 г.? Ведь когда в конце февраля в здании Таврического дворца возникли практически одновременно Петроградский совет и Исполнительный комитет Госдумы, большевики были ещё слишком слабо представлены в столице: Ленину и Троцкому пока только предстояло спустя месяцы вернуться из эмиграции на родину. Большинству тех, кто этот вопрос бесконечно задаёт, очень хочется ответить на него однозначно: что «переворот был совершён на германские деньги». Однако в самой постановке вопроса – о том, что у большевиков оказалось больше (чем у других партий) денежных средств, и поэтому они победили, – используется в корне неверная логика. На успех большевиков не влиял и не мог влиять ни один из внешних факторов, включая погодные условия. В направленном из подполья в сентябре 1917 г. письме в ЦК «Большевики должны взять власть!» Ленин писал, что, «получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»[1]. Но ведь не на германские средства было «куплено» это большинство: оно возникло в результате ряда последовательных изменений и практических шагов, предпринимавшихся как большевиками, так и другими силами в течение всего политического процесса 1917 г. Поэтому правильнее было бы интересоваться не тем, как большевикам удалось *захватить* власть, а тем, как им удалось её *удержать*, да ещё так надолго.

В течение советских десятилетий у исследователей событий 1917 г. отсутствовал свободный доступ к архивам, что делало практически невозможным осуществление систематической научной работы. Историю исковеркали, и лично отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП (б)» был единственным настоятельно рекомендуемым источником. Всё, что выходило за рамки этого «курса», уничтожалось. Буквально. Сначала уничтожали видных партийных и государственных деятелей, военачальников – тех, кто знали, как всё происходило на самом деле, потом принялись за всех остальных без разбору, поскольку «враги народа» имеют обыкновение постоянно увеличиваться в числе. На быструю смерть, от пули в затылок, или медленную, в лагеря, отправляли врачей, учителей, инженеров, учёных, художников, певцов, священников и рабочих… И целым поколениям, жившим в течение этих репрессий и спустя долгие годы после них, так исковеркали сознание, что и в XXI в. раздаются требования установки памятников «отцу народов». А некоторые и не ожидают разрешений – сами устанавливают. Немцы, которых народы СССР победили в войне, со своим «Сталиным» разобрались жёстко: после Нюрнбергского процесса суды над немно-

[1] Ленин В. И. Большевики должны взять власть! Письмо Центральному комитету, Московскому и Петроградскому комитетам РСДРП (б) / В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. – С. 239–241.

гими сумасшедшими, исповедующими фашизм, проходят публично, с трансляцией на весь мир, пропаганда национал-социализма в любых формах запрещена. И Германия движется дальше по своему историческому пути, по пути прогресса.

В России же коммунизм, породивший людских трагедий и смертей не меньше, чем германский фашизм, пропагандируется открыто. И поэтому России прогресс – политический, экономический, культурный – даётся с трудом: страна фактически топчется на месте, предпринимая раз от разу безуспешные попытки достичь всеобщего благоденствия за счёт ограничения одних социальных слоёв в пользу других. Нам ещё только предстоит собственный Нюрнберг, потому что мы до сих пор не отваживаемся признаться самим себе в том, что Сталин – тёмное, кровавое пятно российской истории, а вовсе не человек, осуществивший «масштабную индустриализацию» и «победивший» в войне. Индустриализация и победа в войне совершились не благодаря, а вопреки Сталину – за счёт сотен, тысяч и миллионов человеческих жизней и человеческих смертей. Офицеры советского НКВД, отправлявшие невинных на расстрел, ничем не отличаются от нацистов, сжигавших людей в газовых топках: и то и другое – суть преступления против человечности, отличающиеся лишь формой исполнения. Но России стыдно признаться в этом даже самой себе.

Но не одни лишь сталинские репрессии омрачают недавнее историческое прошлое страны: надо согласиться, что фундаментом для сталинизма, его главной опорой в деле становления авторитарной власти стал именно большевизм. Узурпация власти, совершённая однажды и не признанная до сих пор, фактически продолжается. То, что происходит с Россией сегодня, – прямое, неопосредованное продолжение тех «свершений», начало которым положили большевики в 1917 г., пусть и из лучших, как им казалось, побуждений. Россия тогда, как это признал после памятного разговора с Лениным английский писатель Герберт Уэллс, потонула «во мгле», но и сегодня она далека от стремления к тому, чтобы из этой «мглы» выбираться.

Современные «патриоты» заняты поиском «третьего пути» для России – такого, в котором нет места для признания трагических ошибок в собственном прошлом, а есть лишь великие победы и достижения. Поэтому, когда окончилась эйфория перемен 1990-х, миру открылась трагическая действительность: созданная большевиками «империя» СССР распалась, но в её меньшей, российской части власть осталась всё той же – авторитарной. И эта людоедская сущность власти не изменится до тех пор, пока однажды, как в Германии фашизм и как в Америке расизм, в России не будет официально осуждён и запрещён коммунизм. Из сказок реальности не построить.

Научное осмысление кардинальных общественно-политических преобразований, происходивших в России в 1917 г., также по сей день во многом продолжает оставаться инерционным: историки и философы повторяют выработанные за десятилетия советского периода положения, порождённые однобоким марксистско-ленинским восприятием истории, продолжают мыслить штампами из сталинского «Краткого курса». Неизменной, например, до сих пор остаётся характеристика Февральской революции 1917 г. как «буржуазно-демократической». А между тем даже такой яркий представитель высшего, дворянского сословия, как князь Е. Н. Трубецкой, на страницах кадетской «Речи» ещё в начале марта 1917 г. отмечал, что свершившаяся в России революция – «единственная в своём роде», она – «национальная», «народно-русская», «всенародная», и потому «никто не имеет на неё исключительные права»[2].

Употребление термина «буржуазные», бытовавшего в течение советских десятилетий в отношении партий либерального толка, также не всегда правомерно: он должен быть пере-

[2] Жердева Ю. А. Русский либерализм в 1917 году: по материалам периодической печати: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. А. Жердева; Самарский гос. экон. ун-т. – Самара. – 2005. – С. 151.

смотрен во всяком случае в отношении Партии народной свободы (кадетов), поскольку и в современных исследованиях периода отмечается: либеральные публицисты в эпоху Февральской революции (то есть в период марта – октября 1917 г.) открыто заявляли, что Партия народной свободы «стоит на почве социализма» в не меньшей степени, нежели это пытались представить обществу левые партии и течения.

Профессор С. В. Мироненко[3] считает, что вокруг 1917 г. вообще возникла целая система мифов, которые условно можно разделить на две группы. Первая – группа мифов «о привнесённом характере русской революции». Согласно одному из них, «конец эпохи династии Романовых был обусловлен не чем иным, как предательством генералов». Особое место в мифологии революционных событий 1917 г. занимает миф «о жидомасонском заговоре» в России в начале XX в. Вторая группа мифов связана с вождями Октябрьской революции – о Ленине как единственном вожде, Ленине и Сталине как двух вождях – при полном умалчивании роли Троцкого и т. д.

Ещё один миф касается использования в деятельности большевиков тех самых германских денежных средств, и здесь мы подробно рассмотрим все pro и contra этого мифа. И начнём хотя бы с того, что версии сотрудничества с военными врагами России выдвигались в 1917 г. отнюдь не только по адресу большевиков, но также и по адресу их «коллег» по левому крылу российской социал-демократии – меньшевиков и эсеров. А суворинская «Маленькая газета» однажды в запале обвинила в пособничестве врагу даже весь Петроградский совет целиком.

Меньшевик, сначала видный советский деятель, а затем член Временного правительства И. Г. Церетели узнал о существовании «дела» большевиков 4 июля на заседании правительства, проходившего в помещении штаба Петроградского военного округа. Свои впечатления об этом моменте он изложил так: «Явившись на заседание правительства, я застал там кн. Львова, Терещенко, Некрасова и Годнева. Львов с большим волнением сообщил мне, что Переверзев передал шлиссельбуржцу Панкратову и втородумцу Алексинскому сенсационное сообщение о связи Ленина с германским штабом – для опубликования в газетах. Оказалось, четыре члена правительства – Керенский, Некрасов, Терещенко и кн. Львов – уже давно вели расследование о связи большевистской партии с немецким правительством. Некрасов, Терещенко и Керенский считали, что расследование могло дать убедительные доказательства для установления связи Ленина с Германией. Но то, что у них уже было на руках, не представляло ещё достаточно веской и убедительной улики. Поэтому ни Терещенко, ни Некрасов не желали преждевременно опубликовывать добытые ими данные, дабы не помешать успешному расследованию дела. Оба они теперь решительно протестовали против передачи этих сведений в газеты, ибо как раз в это время, по их сведениям, должен был приехать в Россию посланец германского штаба, везущий документы, устанавливающие связь Ленина с немцами, и опубликование раньше времени имеющихся данных отпугнёт посланца, и весь план раскрытия факта сношений Ленина с немцами рухнет. Только что, перед моим приходом, Терещенко и Некрасов, поддержанные кн. Львовым, имели по этому поводу бурное объяснение с Переверзевым, который покинул заседание, заявив, что он подаёт в отставку… Львов мне сказал, что по соглашению с Терещенко и Некрасовым он хочет просить редакции всех газет не печатать этого сообщения, так как иначе это повредит делу расследования, и он спросил меня, согласен ли я с этим. Я ответил, что вполне согласен, и не только потому, что это соглашение повредит делу раскрытия сношений Ленина с германским генштабом, а потому, что *считаю документ этот явно вздорным, и опубликование его, по-моему, принесёт в конце концов больше вреда правительству, чем большевикам*»[4].

---

[3] С 1992 г. – директор Государственного архива РФ.

[4] Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции. Кн. 2. – Paris. – Mouton & Co. – MCMLXIII. – С. 332–333.

Тем не менее публикация, базировавшаяся на протоколе допроса прапорщика Ермоленко и вызвавшая не только обоснованные сомнения И. Г. Церетели – Керенский со товарищи, как выяснится впоследствии, также не считали этот протокол веской уликой, – состоялась в газете «Живое слово» 5 июля 1917 г.; затем её перепечатали другие издания, и, к удивлению, изложенную в ней версию с упорством, заслуживающим лучшего применения, продолжают повторять российские СМИ спустя столетие.

Впоследствии появились «новые доказательства» того, что пораженческая активность большевиков была оплачена германскими деньгами: сведения эти основывались на публикациях служебной переписки военных и дипломатических чинов Германии. Действительно: есть подтверждения того, что германский генеральный штаб принимал решения о выделении средств на ведение антивоенной агитации в России. Существуют также подтверждения, что считающийся передаточным звеном между немцами и большевиками Александр Парвус (Гельфанд) эти средства получал. Однако совсем отсутствуют доказательства, что деньги эти в итоге попадали к большевикам.

Мифологизирование большевиков, увязывание их деятельности с влиянием извне продолжилось и в отношении периода, последовавшего сразу за 1917 г., – в части, касающейся заключения Брестского мирного договора. Ряд авторов уже и в постперестроечное время пытался оправдать теорию о «покупке» германским генштабом подписи большевиков под этим документом. Но и эта теория по ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. И об этом мы также будем здесь подробно говорить.

Разумеется, однако, что отсутствие подтверждений ещё не доказывает отсутствия самого факта: в конце концов свидетельства подкупа могли быть уничтожены, или они не существовали вообще. Тем не менее, пока очевидные доказательства не будут обнаружены, любые умозаключения на эту тему будут спорными. Более того, все сведения, представленные здесь вниманию читателя, в том числе простой арифметический анализ данных кассовой книги «Правды», сравнение расходных частей бюджетов большевистских и кадетских изданий подтверждают обратное: даже если не обсуждать деятельность большевиков в целом, то во всяком случае печать этой партии не испытывала потребности в финансировании извне, поскольку расходы на производство большевистских газет полностью окупались за счёт доходов, поступавших от розничных продаж, добровольных пожертвований и поступлений от лекций видных большевистских ораторов. Отчёты об этих поступлениях систематически публиковались не только в «Правде», но и в остававшейся меньшевистской в течение почти всего 1917 г. газете «Известия».

Касаясь же пресловутого вопроса о возвращении большевиков из эмиграции через территорию Германии, тот же меньшевик И. Г. Церетели впоследствии утверждал: «Ненависть их к германскому правительству была так же глубока и искренна, как и их ненависть к российским и западноевропейским империалистическим кругам. Чтобы воспользоваться услугами германского правительства для проезда в революционную Россию, *Ленин не имел никакой надобности принимать на себя обязательство сотрудничества с германским штабом*. Он хорошо знал мотивы, диктовавшие германскому штабу действия, направленные к облегчению возвращения в Россию эмигрантов-пораженцев, работа которых, по мнению этого штаба, могла только дезорганизовать военные силы России. И он открыто использовал расчёты внешнего врага, считая и заявляя, что более верными окажутся его собственные расчёты, согласно которым большевистская революция в России послужит стимулом аналогичной революции в самой Германии и в других воюющих странах и приведёт к поражению в этих странах установленного порядка и к социальной революции». Расчёты Ленина, как известно, во многом оказались верными. Давайте выясним – почему.

Выделено мной. – А. А.-О.

Глава 1. Большевизм. Истоки

17-летний Володя Ульянов стал Лениным, как только его старший брат Александр испустил последний вздох на виселице, установленной на внешнем укреплении Шлиссельбургской крепости. Случилось это 20 мая 1887 г., и тогда Ленин будто бы сказал в разговоре с убитой горем матерью про своё намерение пойти «другим путём». Между тем брата казнили за участие в подготовке покушения на царя Александра III, и обвинять правительство в этой ситуации фактически не за что: как ещё прикажете отвечать тем, на чью жизнь покушаются с оружием в руках? Тем более что всего за шесть лет до этого, в марте 1881 г. от рук народовольцев в муках погиб царь Александр II. И свои жестокие устремления, несмотря на их очевидную бесполезность, эти люди явно оставлять не собирались: Александр Ульянов со товарищи был лишним тому подтверждением.

Кто-нибудь другой на месте Ленина после произошедшего с братом, быть может, одумался бы и не стал готовить новых покушений на власть в какой бы то ни было форме. Но не таков был Володя Ульянов – для него отныне вопрос состоял лишь в том, какую идеологию избрать для борьбы, под чьим знаменем выступать. Такой идеологией стал большевизм.

Считается, что слово «большевики» впервые прозвучало в ходе II съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), проходившего в июле—августе 1903 г. сначала в Брюсселе, затем в Лондоне. На съезде произошёл раскол российской социал-демократии на правое и левое крылья – меньшевиков и большевиков, хотя факт этого раскола оспаривается до сих пор, поскольку, например, в Государственной думе первых созывов депутаты от социал-демократии выступали с единых позиций. Кроме того, к собственно большевикам было принято (и так это остаётся и по сей день) относить именно сторонников Ленина. У противников этой версии, однако, есть в запасе аргументы, касающиеся IV «объединительного» съезда РСДРП, проходившего в апреле 1906 г., на котором большевики, наоборот, оказались в меньшинстве, или V съезда, продолжившего официальный курс на сплочение. Разные версии можно бесконечно обосновывать с помощью одних аргументов и тут же опровергать другими. Важно не то, когда именно ленинцы оформились в самостоятельную организацию, а то, что это произошло бы в любом случае: Ленин стремился к власти, а для этого была нужна дисциплинированная организация, а не дискуссионный кружок; другие же, Мартов в частности, настаивали на предоставлении широких возможностей для дискуссии – высказывания мнений по стратегии и тактике социализма, что, с одной стороны, можно презрительно называть «кружковщиной» (Ленин так и делал), а с другой, необходимо иметь в виду, что уважение к различным точкам зрения – суть и естество демократии.

Само явление большевизма многим до сих пор представляется таким же загадочным, как необъяснимые события и явления прошлого, поэтому одни большевиков обожествляют, другие, наоборот, демонизируют. На самом деле всё одновременно и проще, и сложнее, а в сущности объясняется логикой политического процесса. Ведь занятия политикой, как и любой другой общественной деятельностью, – процесс динамический, предсказать результаты которого далеко не всегда представляется возможным, поэтому не следует никакие теории ни превращать в догму, ни принимать за руководство к действию.

1.1. «Призрак коммунизма» и II съезд РСДРП

Несмотря на разночтения относительно того, когда именно и при каких обстоятельствах появились «на свет» большевики, следует считать, что раскол произошёл именно в ходе II съезда РСДРП, – просто потому, что так считал сам «первосвященник» большевизма Владимир Ульянов (Ленин). О том, что именно тогда произошло, Ленин подробно изложил в своём «Рассказе о II съезде РСДРП»[5]. Решающих голосов на съезде было 51: 33 делегата с одним голосом и 9 – с правом голосовать за двоих (присутствовали также участники с совещательными голосами). Решающие голоса, в свою очередь, составляли чрезвычайно пёструю картину, в самой основе которой даже при не пристальном рассмотрении был заложен конфликт: 5 – от Бунда (еврейской рабочей организации); 3 – рабочедельских (от «Рабочее дело»), в их числе 2 – от Союза русских социал-демократов за границей (о них речь пойдёт отдельно далее) и 1 – от питерского «Союза борьбы»; 4 – южнорабоченца, в их числе 2 – от группы «Южный рабочий» и 2 – от Харьковского комитета; 6 – нерешительных, прозванных на съезде «болотом», каковое прозвище в течение десятилетий в чрезвычайно саркастическом, оскорбительном контексте использовалось в официальной советской истории, хотя Ленин и обратил в своём отчёте о съезде специальное внимание на то, что так называли этих людей в шутку, а не для того, чтобы оскорбить. В съезде также принимали участие 33 искровца, «более или менее твёрдых и последовательных в своём искрянстве», разделившихся уже по ходу событий: 9 человек придерживались «мягкой», или «женской» (как выражались некоторые остряки) линии и 24 искровца – «твёрдой». На этом можно было бы, кажется, и завершить рассказ о возникновении термина «большевизм», однако в действительности всё складывалось сложнее и интереснее.

Проблема изучения любого исторического отрезка заключается в том, что, потянув за одну нить, вдруг обнаруживаешь, что множество других исторических нитей немедленно вступают с ней во взаимодействие. Причём без учёта этих других «нитяных» сущностей совершенно невозможно рассматривать ту единственную, на которой, собственно, и хотелось остановиться подробнее. В точности так это происходит и с рассмотрением исторических взаимосвязей между участниками памятного II съезда РСДРП. Так, двое из упомянутых участников съезда, делегированных от Союза русских социал-демократов за границей, фактически представляли интересы самой первой марксистской организации в России – группы «Освобождение труда», созданной в 1883 г, в Женеве из числа легендарных революционеров-народников – Плеханова, Игнатова, Засулич, Дейча и Аксельрода. «На книжках Плеханова воспитывалось несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки русского коммунизма», – напишет впоследствии в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» философ Николай Бердяев[6]. И эта историческая нить особенно важна для текущего рассмотрения: именно «освобожденцы» провозгласили в качестве своих первоочередных задач критику народничества, а также перевод и пропаганду в России трудов Маркса и Энгельса. И если бы не просветительская работа этих бывших народников, то Ленин, скорее всего, даже и оставаясь в течение жизни революционером и противником самодержавия, исповедовал бы какую-то другую теорию, а не марксизм (и как знать, как повернулось бы дело в России в этом случае). Но произошло именно так, а не иначе, и на базе противостояния народничеству и пропаганды марксизма уже Ленин в 1895 г. образовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», даже названием подчеркнув свою преемственность с группой Плеханова. «Марксисты стояли за пролетаризацию крестьян-

[5] Ленин В. И. Рассказ о II съезде РСДРП. – М. – Политиздат. – 1972. – 32 с.

[6] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. – Наука. – 1990.

ства, которой народники хотели не допустить, – напишет Бердяев. – Марксисты думали, что они наконец нашли реальную социальную базу для революционной освободительной борьбы. Единственная реальная социальная сила, на которую можно опереться, это образующийся пролетариат. Нужно развивать классовое революционное сознание этого пролетариата… Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология». Но это неправильная, ошибочная психология по существу. Маркс и Энгельс, когда создавали свои, до сих пор пользующиеся заслуженным авторитетом у социологов мира труды, в частности «Капитал», в куда меньшей степени имели в виду Россию, нежели промышленно развитые (внимание на слово «промышленно») государства Европы. Это правда, что уже в 90-е г. XIX в. в России в забастовках участвовали сотни тысяч рабочих. Правда, что сначала С. Ю. Витте, а затем П. А. Столыпину в начале века удалось, после подавления террора 1905–1907 гг., стабилизировать финансовую систему страны и обеспечить рывок вперёд промышленности, транспортной инфраструктуры: всё это способствовало не только механическому увеличению численности российского пролетариата, но и росту его самосознания. Однако ни в конце XIX в., ни в начале XX, включая Октябрьский переворот 1917 г., российский пролетариат ещё не был готов ни количественно, ни организационно к тому, чтобы взять в свои руки управление государством. В результате на плечах пролетариата к власти пришли те, кто говорил от его имени и управлял от его имени, не более.

Совершенно иначе складывалась ситуация в Западной Европе – в полном соответствии с той изначальной разницей, которая существовала в развитии производительных сил и производственных отношений между Россией и Европой. Даже в остававшейся разобщённой вплоть до последней трети XIX века Германии первые рабочие организации появились уже в 1830–1840-х г. (в то время как в России, напомним, – в самом конце XIX в.): в 1833 г. возникает «Немецкий рабочий союз», в 1834-м – «Союз отверженных»; в 1842 г. Вильгельм Вейтлинг в своих «Гарантиях гармонии и свободы» излагает теорию нового справедливого общественного устройства; либералы обращаются к королю Пруссии с предложением преобразовать политическое устройство государства, превратив его в конституционную монархию, на что Вильгельм IV отвечает репрессиями и, в частности, в 1843 г. закрывает «Рейнскую газету» Маркса.

В Англии массовое рабочее движение чартистов (от слова charter – хартия) в 1838 году излагает программу под названием «Народная хартия», в которой требует расширения избирательных прав, справедливо полагая, что решать проблемы рабочих возможно через парламент.

В 1848 г. волна революций прокатывается по всей Западной Европе: в феврале – во Франции и Италии, в марте – в Венгрии, Австрии и Пруссии. В 1848–1849 гг. Маркс издаёт в Кёльне свою «Новую рейнскую газету»; в том же революционном 1848 г. Маркс и Энгельс напишут в изданном в Лондоне «Манифесте коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». Но в том-то и дело, что «призрак» этот бродил именно по Европе, а не по России: в то время в России ещё даже не шла речь о реформе крепостного права, а не то что о формировании рабочего класса как самостоятельной, осознающей единство своих интересов политической силы. Прогресс, в том числе научно-технический, промышленный, а также процесс политической демократизации в России шёл куда медленнее, нежели в промышленно развитых и просвещённых европейских странах (вроде так это сохраняется и по сей день).

Плеханову, как и Ленину (который начинал, напомним, как его, Плеханова, прямой ученик), всё это было хорошо известно. Поэтому заметим (пусть немного забегая вперёд),

что Плеханов, искренне напуганный переворотом 25 октября 1917 г. – не за себя лично, а за дальнейшую судьбу рабочего движения в России, – опубликует через два дня в своей газете «Единство» известное «Открытое письмо к петроградским рабочим»[7], в котором, среди прочего, говорит: «В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому ещё не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. / Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? / Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием. / Нет, наш рабочий класс ещё далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России. / В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьёзный социалист». И в этих своих утверждениях Плеханов справедливо полагался именно на Маркса и Энгельса, на исторический опыт европейского пролетариата.

Ленин, как показал весь дальнейший ход истории, не обращал внимания на громадную историческую разницу в развитии пролетариата российского и западноевропейского, не считая, видимо, её существенной в своём движении к цели. Но не знать вовсе об этой разнице он не мог, потому что ещё до возвращения из эмиграции, в 1913 г., в характеристиках периодов исторического развития в работе «Исторические судьбы учения Карла Маркса»[8] отметил: «Второй период (1872–1904) отличается от первого “мирным” характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них ещё не дорос». Но тем не менее страницей ранее Ленин поразительным образом противоречит сам себе, когда делит всемирную историю на три периода: «1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции». Первая русская революция, окончившаяся Третьеиюньским переворотом (об этом подробно далее), конечно, имела слишком отдалённое отношение к тому, что происходило в Великобритании, или, например, в Германии, – именно ввиду огромной разницы между развитием производительных сил и производственных отношений (как очень любил говорить это в своих работах Ленин) в России и в Западной Европе.

Ошибался Ленин и в том, когда писал, что «Запад вступает в полосу “мирной” подготовки к эпохе будущих преобразований», под которыми, естественно, подразумевал «процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам». Спровоцированные Первой мировой войной революции действительно изменили облик Европы, но, как показала история, не изменили производственные отношения: политика и экономика на Западе продолжали развиваться путём парламентской демократии, а отнюдь не путём пролетарской диктатуры. Но Ленин упорно не хотел видеть разницы между политическими процессами на Западе и на Востоке, более того, он фактически указывал на прямую параллель между Парижской коммуной 1871 г. и Первой русской революцией 1905–1907 гг. и тем, что происходило на Востоке: «За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская… Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмилли-

[7] «Единство». – 1917. – 28 октября (по ст. ст.).

[8] Ленин В. И. Исторические судьбы учения К. Маркса. – М. – Политиздат. – 1977. – С. 9–13.

онной Азии в борьбу за те же европейские идеалы». Но турецкие, персидские и китайские рабочие и крестьяне, естественно, ни о каких «европейских идеалах» понятия не имели и имени Маркса тогда ещё даже не слышали. Конечно, впоследствии восточные народы не только услышали имена Маркса, Энгельса и Ленина, а также Сталина, Молотова, Ворошилова, но и попытались установить в своих странах режим пролетарских диктатур – так, как они их себе представляли. Но, как и в России, диктатуры эти подозрительно схоже неизменно провоцировали экономический упадок в сопровождении массовых политических репрессий.

Ко всему прочему дело заключалось не только в меньшем или большем, чем в Европе, количестве пролетариата, но и в его «качестве»: российский пролетариат не был так хорошо организован, как европейский, эту роль – роль организатора – и взяли на себя большевики, которые полагали, что им лучше, нежели самому пролетариату, известно, в чём состоит его благо.

Но на что мог рассчитывать Ленин, который не мог не знать того же, что было известно Плеханову – то есть что российский пролетариат в начале XX в. ещё не был готов управлять огромной страной? Ленин рассчитывал двигать свою партию вперёд, опираясь на союз пролетариата с «трудовым» крестьянством, поэтому в статье «Пролетариат и крестьянство», опубликованной в «Новой жизни» уже после III съезда РСДРП 12 ноября 1905 г., делал упор на то, что «все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю – это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III съезде, состоявшемся в мае настоящего года, РСДРП приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований *вплоть до конфискации всех* частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли» (курсив Ленина). Правда, тот факт, что конфискованную у помещиков землю предполагалось далее передать крестьянам исключительно в «обобществлённом» виде, Ленин тогда умалчивал.

Плеханов же и в начале века, и позднее, уже после Октябрьского переворота, в том же «Открытом письме», указывал на очевидную разницу между городским и сельским пролетариатом: «Рабочий класс может рассчитывать на поддержку среди крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается… хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдёт помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма». Но не мог Плеханов предполагать, что большевики, отобрав землю у помещиков, «забудут» передать её крестьянам, как обещали, и уничтожат лучшую, зажиточную часть единоличных хозяев.

Зато пугающая точность предвидения Плеханова проявилась в следующем его утверждении: «Если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить “социальную революцию”, то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение». Действительно: российский социализм в итоге, в последней четверти XX в. потерпел сокрушительное поражение в конкуренции с рыночной экономикой Запада. Кроме того, так же, как и в случае с пролетариатом, масса сельского населения в России была в то время куда менее образованной (точнее – вовсе необразованной), в сравнении с населением в Европе.

Ленин, однако, с самого начала рассчитывал не только на поддержку пролетариата крестьянством внутри страны, но и на поддержку мирового пролетариата. И как же он ликовал – а вместе с ним и делегаты VI чрезвычайного съезда Советов, проходившего в ноябре 1918 г. и посвященного первой годовщине Октябрьского переворота (вновь слегка забегаем вперёд), – когда обсуждалась как свершившийся факт революция в Германии! Но и тут предвидение Плеханова оказалось устрашающе точным: «Говорят: то, что начинает русский рабочий, будет докончено немецким. Но это – огромная ошибка. / Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. “Социальная революция” ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она ещё не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла, ещё до начала войны. А война ещё более уменьшила шансы социальной революции в Германии, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на “социальную”, но и на политическую революцию. Это признаёт Бернштейн, это признаёт Гаазе, это признаёт Каутский, с этим наверное согласится Карл Либкнехт. / Значит, немец не может докончить то, что будет начато русским. Не может докончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединённых Штатов. / Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоёванных в феврале и марте нынешнего года» (выделено мной. – *А. А.-О.*).

Но на II съезде РСДРП (вернёмся вновь к нему), проходившем в июле—августе 1903 г., ни Ленин, ни Плеханов не могли знать о предстоявших тектонических сдвигах в социальном и государственном устройстве России. Кстати, съезд этот не случайно проходил в Брюсселе, а затем в Лондоне (бельгийские власти заставили делегатов перенести заседания в «другое» место). И это тоже очень важный момент для рассмотрения нашей темы: дело в том, что к началу работы съезда российские власти прекрасно отдавали себе отчёт, откуда исходит настоящая угроза общественному спокойствию, и поэтому очевидно, что подобное «мероприятие» заведомо не могло быть организовано на российской территории. В Уставе о цензуре и печати от 1890 г. (четвёртом по счёту и последним в истории России) в статьях 95 и 96 прямо говорилось о необходимости не допускать к публикации «сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии»[9] (выделено мной. – *А. А.-О.*). Такое же понимание угрозы, исходящей от крайних течений социализма, укрепилось и во властных верхах европейских промышленно развитых государств. И «вредность» этих учений к началу работы II съезда РСДРП, конечно же, только возросла: вопросы обсуждались всё менее теоретические, началось уже, незаметно для самих участников, накопление опыта и шлифовка навыков для подготовки к захвату власти – какой бы эта цель ни казалась далёкой в 1903 г. И процесс этот наиболее ярко проявился как раз в ходе работы съезда: между его главными участниками разногласия сразу возникли по, казалось бы, сугубо техническому вопросу о том, кого выбирать для руководства работы съездом – бюро или президиум и сколько делегатов должны войти в эти органы. Но именно тут фактически проявились и противоречия по существу дела: как «делать» политику – путём дискуссии, выяснения и учёта разных мнений или путём принятия решений и жёсткого контроля за их исполнением со стороны небольшой группы партийных вождей. Чем на практике закончилось в 1917 г. выяснение отношений по этому «техническому» вопросу между лидерами россий-

[9] Устав о цензуре и печати // Свод законов Российской империи. Т. 14. – СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном совете, 1890. – С. 1–46 (внутр. нумерация).

ской социал-демократии, известно. Но нам ведь важен и сам процесс – то, **как именно это произошло**. «Заметим наперёд, – пишет Ленин в своём "Рассказе о II съезде РСДРП", – что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдалённо, с этим расколом».

Итак – бюро или президиум? Мартов предлагал избирать президиум из девяти делегатов, и уже из их числа – троих в бюро. Ленин же выступал за выбор лишь троих «для держания в строгости» (кого и зачем?!). В результате избрали троих, в том числе Ленина, но без Мартова. Однако «держанию в строгости» делегатов это не помогло, потому что одно за другим возникали разногласия: то по вопросу о позиции отдельных членов организации «Искры», то по проблеме «равноправия языков». Характерным был эпизод с принятием 1-го пункта устава партии. В ленинской редакции он звучал так: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий её программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций*» (курсив Ленина). Мартов же предлагал вместо слова «участие» записать: «*работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*» (курсив Ленина).

Всякому здравомыслящему человеку ясно, что по существу никакой разницы в этих формулировках нет. А при более пристальном рассмотрении может показаться, что именно формулировка Мартова, не в пример ленинской, была более жёсткой. Но какой смысл вкладывали Ленин и Мартов каждый в свою формулировку? В понимании Ленина было «необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения… такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой – расплывчатой организации и т. д.», причём слово «расплывчатой» представляется здесь сугубо личным выражением Ленина, употребляемым для убедительности: мало вероятно, что сам Мартов в реальности съезда предлагал строить партию на «расплывчатом» фундаменте. Да и что плохого в стремлении Мартова расширить возможности для участия в партии? Только то, что пришлось бы учитывать много разных мнений, и это на самом деле мешало бы движению этой партии к власти. Так в итоге и произошло: большевики пришли к власти, а меньшевики, не только Мартов, но и Плеханов, остались дискутировать «за бортом». Но всё дело в том, для чего люди добиваются власти и как её потом используют. Как использовали власть большевики и чем это закончилось, хорошо известно. Тем не менее тут Ленину невозможно отказать в предвидении, которое и помогало планировать партийную работу: ему с самого начала было совершенно ясно, что для захвата власти нужна жёстко структурированная организация, а не дискуссионный клуб. Мартову это не представлялось столь очевидным, как, видимо, не представлялась очевидной сама необходимость вооружённого захвата власти. Именно это имел в виду Бердяев, когда впоследствии утверждал: «Пусть меньшевики имели тот же конечный идеал, что и Ленин, пусть они также преданы рабочему классу, но у них нет целостности, они не тоталитарны в своём отношении к революции. Они усложняли дело разговорами о том, что России сначала нужна буржуазная революция, что социализм осуществим лишь после периода капиталистического развития [и, очевидно, были правы. – *А. А.-О.*], что нужно ждать развития сознания рабочего класса, что крестьянство класс революционный и пр… Для Ленина марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Меньшевики же считали невозможной диктатуру пролетариата в сельскохозяйственной, крестьянской стране. Меньшевики хотели быть демократами, хотели опираться на большинство. Ленин не демократ, он утверждает не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства».

Кстати, по вопросу о членстве в партии на II съезде была принята именно мартовская формулировка. А в работе «Что делать?», вышедшей за год до съезда, в 1902 г., Ленин обрушился на германского социал-демократа Эдуарда Бернштейна, личного друга Энгельса, за его стремление превратить социал-демократию в партию социальных реформ. Между прочим, Бернштейн доказывал, что со времени выхода «Манифеста коммунистической партии» – с 1848 г. до начала XX в., то есть ни много ни мало, как за полвека, – ситуация во взаимоотношениях между трудом и капиталом, рабочими и хозяевами в Западной Европе изменилась, и речь шла уже не об углублении противоречий между капиталом и пролетариатом, не о классовой борьбе, не об обнищании и «пролетаризации», а наоборот, о постепенном стирании этих противоречий, не о революции, а об эволюции (действительно, в Западной Европе процесс демократизации всё более нивелировал привилегии буржуа, слишком явно уходившие корнями в феодальное прошлое). Каковым утверждением фактически расколол всю европейскую социал-демократию на два лагеря – горячо поддержавших эту идею и отрицавших её. Ленин, конечно, нашёл своё место во втором лагере, потому что, во-первых, как уже отмечено выше, не делал разницы между тем, как развивались производительные силы и производственные отношения в Европе и в России (и более того – в Азии), и, во-вторых, упирал на то, что учение Маркса – не теория, а суть руководство к действию. Свою статью «О некоторых особенностях исторического развития марксизма»[10], написанную и опубликованную в газете «Звезда» в 1910 г., Ленин начинал с прямой ссылки на «классиков»: «Наше учение, – говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, – не догма, а руководство к действию. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчёркнута сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду».

Но дело как раз в том, что несмотря на всю действительную глубину и обоснованность этого учения, несмотря на потрясавшие Европу и Азию в начале XX в. социальные перемены (к радости Ленина, усматривавшего в этом подтверждение марксистской теории), оно, как показала история, так и не стало руководством к действию для мирового пролетариата.

Но в тот конкретный период назревания империалистических противоречий, в период роста различных имперских амбиций, сравшихся со своими государствами и во многом подменявших свои государства капиталистических кланов, Ленин был абсолютно прав в том, когда в своей написанной и опубликованной в «Правде» в 1913 г. (то есть всего за год до начала Первой мировой войны) статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» утверждал: «Дороговизна и гнёт трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращённых либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой “твердокаменной” буржуазно-юнкерской стране, Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой “социальный мир”, который больше всего похож на бочку с порохом». Как в воду смотрел.

Бернштейн же, в свою очередь, был прав в том, что касалось истирания противоречий между трудом и капиталом в промышленно развитых странах Европы. Ленин это также с досадой замечал: и когда говорил о «развращённых либерализмом английских рабочих» в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», опубликованной в «Правде» в 1913 г., и ещё ранее – в примечаниях к статье «Британское рабочее движение и конгресс тред-юнионов», опубликованной в «Пролетарии» в октябре 1905 г.: «Правление железной дороги Taff-Vale предъявило к союзу жел.-дор. рабочих иск за убытки, причинённые жел.-дор. компании стачкой. Буржуазные судьи, вопреки отчаянному сопротивлению рабочих, присудили капиталистам вознаграждение! Присуждать рабочие союзы к возмещению господам капиталистам убытков, причинённых стачкой, значит на самом деле уничтожать свободу стачек.

[10] Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. – М. – Политиздат. – 1977. – С. 3–9.

Судьи, лакействующие перед буржуазией, умеют сводить на нет даже обеспеченные конституцией свободы, когда дело касается борьбы труда и капитала. / Английское рабочее движение довольно долго ещё, к сожалению, обещает служить печальным образчиком того, как необходимо ведёт к измельчанию и буржуазности оторванность рабочего движения от социализма».

Так что в сущности, по крайней мере в том, что касается теоретических мировоззрений, раскол в среде русских социал-демократов произошёл ещё раньше, нежели на II съезде РСДРП, и начало этому расколу положил Эдуард Бернштейн.

В своей книге «Что делать?», написанной в 1902 г., Ленин также спорит с редакцией газеты «Рабочее дело» – органом заграничного «Союза русских социал-демократов», делегаты которого принимали участие в работе II съезда, – по вопросу о «свободе критики». Точнее, Ленин устраивает форменный разгром позиции рабочедельцев по этому вопросу, хотя, если присмотреться, вербальная формула проблематики оказывается всё той же: возможность, или недопустимость реформы марксизма (тех, кто такую возможность допускал, Ленин называл «русскими бернштейнианцами»). Ленин именно здесь чётко формулирует своё отношение к попыткам ревизионизма, когда говорит, обращаясь к рабочедельцам: «“Свобода критики” есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов». Yes! Вот оно, ленинское: «Ни шагу назад, или в сторону, шоры на глаза, и – только вперёд, курс – на революцию и гражданскую войну!». Ленин **не хотел** видеть иного выхода, не считал, что с течением времени ситуация в межклассовых взаимоотношениях может меняться, и быть одной – в Европе и совершенно другой – в России. Он настаивал на том, что Маркса нужно понимать **буквально**, вне зависимости от таких «пустяков», как время, пространство, государственное устройство и национальные особенности. Но что же это, если не догма?

В той же работе «Что делать?»[11], вышедшей за год до II съезда РСДРП, Ленин обозначил основные характеристики организации, которая и должна вести классовую войну от имени (!) рабочих. В критике «экономистов» Ленин утверждает: «Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной… Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности».

Здесь Ленин снова был прав в своём стремлении к власти: мирный путь политических дискуссий и парламентской работы представлялся ему неоправданно долгим, и скорость в продвижении к цели могла обеспечить только железная дисциплина в среде узкой прослойки единомышленников. Именно так Ленин вскорости (всего через 15 лет, в 1917 г.) и поступит: захватит власть с помощью хорошо организованной и тщательно законспирированной организации профессиональных революционеров, сказав рабочим (и всему миру), что это делается от их имени и для их же блага. Но уже и тогда, в июле—августе 1903 г., подготовка к предстоявшей войне этой профессиональной организации революционеров просматривалась в стилистике и самом существе «тактических», по выражению Ленина, резолюций II съезда РСДРП: «1) О демонстрациях; 2) О профессиональном движении; 3) О работе среди сектантства; 4) О работе среди учащейся молодежи; 5) О поведении на допросах» и т. д.

[11] Ленин В. И. Что делать? – М.– Политиздат. – 1972.

1.2. Цензура печати от Ришелье и Бисмарка до Николая II и Ленина I

Политические коллизии внутри РСДРП, используемая в них терминология (можно назвать её «ленинской», но очевидно, что ту же терминологию употребляли в устной и письменной речи и остальные, иначе они просто не смогли бы понимать друг друга) изначально происходили из борьбы за влияние в редакции центрального партийного органа печати – газеты «Искра», а затем и других изданий (той же «Правды»). Можно было что угодно принять или отвергнуть на очередном съезде, но если за вами остаётся право (и возможность) формирования редакционной политики, это автоматически означает, что за вами остаётся и возможность формирования общественного мнения сначала внутри партии по конкретным политическим вопросам, затем в более широких слоях и ещё шире – общественного сознания в целом. Такое особое положение СМИ сформировалось с тех самых пор, в конце XIX – начале XX в., когда СМИ, прежде всего печатная пресса, стали массовыми по тиражам, а значит, и по возможностям воздействия на общественное сознание. Положение это сохраняется в большинстве государств и поныне: обладатель контроля над современными ведущими СМИ держит за горло избирательный процесс, причём таким образом, что и никаких фальсификаций не требуется – всё происходит как бы само собой, в процессе ежедневной трансляции для населения мантр, призывающих власть к тем, кто ею и так уже обладает.

Понимало это вполне и царское правительство, поэтому ещё 6 апреля 1865 г. в составе Министерства внутренних дел было создано Главное управление по делам печати, которое ведало внутренней, иностранной и драматической цензурой, осуществляло надзор за типографиями, а также за книжной торговлей и библиотеками. До 1917 г. функции Управления менялись, но главной его задачей оставался контроль за содержанием печатной периодики, непериодическими изданиями и выпуском книг. Ликвидация цензуры была одним из требований революционной общественности, и наконец в марте 1917 г. решением нового органа власти – Временным правительством – цензура в лице Главного управления по делам печати была ликвидирована (подробно об этом – далее). Оказалось, ненадолго: традиции этого государственного учреждения официально продолжило созданное в июне 1922 г. при Наркомате просвещения РСФСР Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит). За 57 лет между созданием одного и второго главка страна пережила многое, прошла через несколько войн и революций, изменилось само её государственное устройство. Не изменилось одно: отношение к свободе слова и печати, которое и царская, и пролетарская власть считали необходимым всемерно стеснять и ограничивать.

Но почему так важно учитывать аспект воздействия СМИ на общественное сознание при изучении истории происходящих со страной социально-политических перемен? Это важно потому, что отношение власти к СМИ, к свободе слова всегда было и остаётся самым убедительным индикатором наличия (или отсутствия) диалога власти с гражданским обществом в принципе. «Особенность четвёртой власти состоит в том, что она может действовать нормально только тогда, когда её значение понимает руководство страны. Ведь информация стала важнейшей связующей нитью всего общества. Без свободы слова не может быть демократии», – отметил в своем труде «Искушение свободой» профессор Я. Н. Засурский (в течение более чем полувека – декан, затем президент факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова). Действительно, сама история показывает: когда власть замыкается в себе и, полагаясь на силу, ограничивает свободу слова и СМИ, это рано или поздно сказывается отрицательно на самой власти – поддержка общества уходит, как почва из-под ног, а в итоге руководящие кресла занимают люди, отнюдь не всегда располагающие нужными навыками управления государством. Именно это и произошло со страной в 1917 г.

Ленин, конечно же, понимал особое положение печати как действенного инструмента в завоевании власти и потому так яростно сражался за влияние в редакции «Искры». Именно Ленин сначала в опубликованной ещё в 1901 г. в газете «Искра» статье «С чего начать?» поставил вопросы о характере и содержании «политической агитации», об «организационных задачах» и «плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации». План этот, между прочим, включал в качестве первоочередной задачу создания общерусской газеты.

Ленин в формировании своих революционных идей и применения их на практике, в том числе в отношении печати, вовсю использовал различные зарубежные источники, в том числе Маркса и Энгельса. Но ещё до него царское правительство в своём противостоянии гражданскому обществу также не брезговало иностранным опытом. Разработчики царского Устава о цензуре и печати от 1890 г., например, при формулировании статей о необходимости испрашивать разрешение на начало нового издания безусловно учитывали порядок, заведённый ещё кардиналом Ришелье в эпоху Людовика XIII: основатель первого французского периодического издания с говорящим названием «Ля Газетт» (La Gazette) Теофраст Ренодо для того, чтобы «печатать и продавать новости и отчёты обо всём, что произошло и происходит внутри Королевства и за его пределами», должен был получить разрешение монарха. Такое разрешение г-н Ренодо и получил от короля 30 мая 1631 г. с подачи кардинала Ришелье, и с этого момента все французские издатели были вынуждены не только испрашивать разрешение монарха на выпуск газет, но и ограничивать содержание публикаций только заранее оговоренными в разрешении тематиками. Характерно, что и нынешний порядок регистрации новых СМИ в Российской Федерации хотя и считается уведомительным, однако в п. 7 заявления на регистрацию (подаваемого российскими издателями в организацию с красноречивым названием «Россвязьохранкультура») недвусмысленно требуется сообщать о «примерной тематике и (или) специализации» нового СМИ: связь с практикой, заведённой великим царедворцем Ришелье ещё в XVII в., представляется очевидной.

Кроме того, и разработчики российского Устава от 1890 г., и ныне действующего в РФ закона о СМИ, принятого в 1991 г., возможно, сами того не ведая, использовали относящийся к 1874 г. «передовой» опыт рейхсканцлера Германии Отто фон Бисмарка – в том, чтобы предоставлять экземпляры каждого номера периодического издания в полицию, а в выходных данных обязательно сообщать фамилии и адреса авторов, издателей, владельцев типографий и ответственных (главных) редакторов: в п. 4 действующей в начале XXI в. формы заявления на регистрацию требуется указывать «адрес редакции, телефон, Ф.И.О. главного редактора, фактический адрес местонахождения редакции с указанием почтового индекса», так что и тут связь с мировым зарубежным опытом очевидна.

Помимо прочего, согласно ст. 7 Устава о цензуре и печати от 1890 г., периодические и непериодические издания подвергались «действию административных мер и взысканий». Так, пользовавшиеся правом выпуска без предварительной цензуры издания должны были вносить денежный залог в Главное управление по делам печати: «1) для ежедневной газеты или выходящей в свет не менее шести раз в неделю – пять тысяч рублей; 2) для всех прочих повременных изданий – две тысячи пятьсот рублей», что по тем временам составляло очень немалые суммы.

При введении этих тарифов, как и многих других, отечественные творцы нормативных документов также исходили из зарубежного опыта: параграф о денежном залоге для издателей впервые появился на свет в государственной практике Франции, отстоявшей от принятия российского Устава о цензуре и печати от 1890 г. по времени на 70 лет: в 1819 г. вернувшиеся на трон после грозных наполеоновских «100 дней» Бурбоны в лице Людовика XVIII поручили публицисту П.-П. Ройе-Коллару подготовить новое, «либеральное» законодательство о печати. Он и подготовил его: новый закон хотя и отменял цензуру и необходимость

получать разрешение монарха на издание газет и журналов (ненадолго, как показала история), но одновременно вводил положение о денежном залоге для тех, кто собирался издавать периодику политического толка. Как рассчитывал Ройе-Коллар, у радикально настроенных граждан (а против них-то и было направлено это положение) серьёзных средств не находилось; у тех же граждан, которые ими располагали, не было желания их терять – поскольку в случае, если власть признает публикации издания «вредными» для общественного спокойствия, средства, ранее выделенные в залог, будут изъяты в пользу государства. Однако Франция за более чем 70 лет, с 1819 по 1890 г., прошла долгий и сложный, перемежавшийся революциями путь реформ и преобразований. Во Франции ещё в 1881 г. была окончательно отменена цензура и введён заявительный порядок регистрации изданий.

Россия же из туманного прошлого Франции использовала преимущественно карательный опыт. Достаточно сказать, что ст. 144 российского Устава о цензуре и печати устанавливала возможность приостановки, вплоть до окончательного закрытия изданий, с предварительным троекратным направлением «предостережений» со следующей формулировкой: «Министру внутренних дел предоставляется право делать повременным изданиям, изъятым от предварительной цензуры, предостережения, с указанием на статьи, подавшие к этому повод. Третье предостережение приостанавливает продолжение издания на срок, который министром внутренних дел при объявлении предостережения будет назначен».

Характерно, что и в нынешнем законе РФ о СМИ термин «предостережение», относящийся к эпохе конца XIX в. и привнесённый целиком из германского опыта эпохи Бисмарка, лишь заменён на более современное «предупреждение», в остальном же суть меры сохранена – вплоть до копирования статьи закона «имени» германского канцлера от 1874 г. о праве надзорных органов закрывать СМИ.

Но какое, собственно, отношение к большевикам имеет текущее рассмотрение положений Устава о цензуре и печати от 1890 г.? Только такое, что согласно упомянутым выше ст. 95 и 96 Устава не следовало «допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии». А именно на это, то есть на «ниспровержение существующего порядка», и была в целом направлена деятельность большевиков.

Тем не менее газету «Правда», напомним, закрыли всего за неделю до начала Первой мировой войны в 1914 г. До этого момента большевики распространяли пацифистскую пропаганду, наряду с антимонархической в целом на территории всей Российской империи фактически беспрепятственно – что говорит о весьма лояльном (особенно в сравнении с последующим использованием СМИ самими большевиками) отношении царского строя даже и к прессе с откровенно оппозиционными взглядами.

Видимость либерализации царское правительство сохранило и в Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., вызвавшего энтузиазм у определённой части общества, проявившийся в том числе в создании одноимённой партии – партии октябристов. Лидеры этой партии занимали потом руководящие посты во впервые созданном во исполнение Манифеста парламенте – Государственной думе. Между тем в самом этом насколько кратком, настолько и примечательном документе не только даровалось избирательное право слоям общества, ранее его лишённым, но и декларировалась необходимость одобрения любого закона членами Государственной думы, а также предоставлялись «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Однако всем «свободам» Манифеста противопоставлялось единоличное право монарха распускать парламент в случаях, когда его деятельность по каким-либо причинам покажется неугодной царю и/или правительству (в нынешней России, как и в других странах, аналогичным правом пользуется президент).

Но были ли эти действия царских чиновников, направленные на ограничение демократических свобод, свободы печати в частности, целиком произвольными? Нет. Как показала история, именно периодическая печать использовалась радикалами в России для привлечения новых сторонников, именно посредством печати распространялись призывы к неповиновению распоряжениям властей, нагнеталась обстановка хаоса и анархии, приведшая в итоге к разгулу террора, к многочисленным убийствам. И власть вынужденно, подчас в панике от происходящего штамповала документы, чрезмерно ограничивавшие гражданские свободы и в первую очередь печать, полностью отдавая себе отчёт в действенности газетных публикаций. Полностью отдавал себе отчёт в этом и Ленин, когда в упоминавшейся уже здесь работе «Что делать?» ещё в 1902 г. задавался вопросом «Может ли газета быть коллективным организатором?» и сам же на него отвечал: «Весь гвоздь статьи “С чего начать?” [работа “Что делать?” была написана в продолжение этой статьи. – *А. А.-О.*] состоит в постановке именно этого вопроса и в утвердительном его решении» и далее в полемике с партийным оппонентом Л. Надеждиным: «Если не воспитаются сильные политические организации на местах, ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета. Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что *нет иного средства воспитать* сильные политические организации, как посредством общерусской газеты» (выделения Ленина). В полемике с другими партийными оппонентами, Кричевским и Мартыновым, Ленин приводит взятое из ранее опубликованного плана газеты «Искра» образное сравнение: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении *её можно сравнить с лесами,* которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом» (курсив Ленина).

Между прочим, здесь, как и в случае с Мартовым на II съезде РСДРП, расхождения между Лениным и Надеждиным кажутся более видимыми, чем являются действительными: Надеждин всего-то ратовал за то, чтобы – в противовес ленинскому плану общерусской газеты – была бы организована «широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных». По существу вопроса, особенно в том, что касается подготовки к стачкам и демонстрациям, Ленин Надеждину не возражал. И именно в ответ на эту небезуспешную, происходившую на глазах у всего мира революционную работу имперская власть России отвечала лихорадочной подготовкой и принятием ограничивающих возможности гражданского общества актов.

Но что же происходило в те памятные годы начала XX в., когда, с одной стороны, вводились свободы для деятельности граждан в целом и для печати в частности, а с другой – эти же свободы перемещались в поле уголовно наказуемых деяний? Эти события принято называть Первой русской революцией 1905–1907 гг., но начинались они не с демонстраций и стачек, а с того, что Россия потерпела поражение в Русско-японской войне. Поражение это продемонстрировало всему миру и самому русскому обществу уровень обветшалости царского аппарата, оказавшегося неспособным мобилизовать силы огромного государства для отпора внешней угрозе. Что уж говорить о решении внутренних проблем.

1.3. Первая русская революция: «Добить правительство!»

Что общего между событиями вокруг Порт-Артура на Квантунском полуострове 27 января 1904 г. и в Пёрл-Харборе на гавайском острове Оаху 7 декабря 1941 г.? И в чём их отличие? И в том и в другом случае Япония совершила «вероломное», как принято говорить, нападение на корабли противника. В 1904 г. японский флот внезапно ночью напал на русскую Тихоокеанскую эскадру Балтийского флота, стоявшую на рейде Порт-Артура. В 1941 г. японцы так же внезапно разгромили с воздуха базу Тихоокеанского флота США. Но в первом случае война окончилась поражением противника Японии – России, во втором Япония, наоборот, проиграла войну. То есть главное, чем отличаются друг от друга два этих события, – это своими последствиями для геополитической обстановки. Всё остальное до боли похоже.

Тревожные, пугающие сообщения поступали из расположения русских войск в течение той странной войны с Японией начала века. Так, «Русские ведомости» сообщали в номере от 10 января 1905 г.: «Чансямутун. 8 час. 10 мин. утра. По-прежнему тёплая погода. Со времени движения отряда генерала Мищенка столкновений не было, зато артиллерийская стрельба становится сильнее. На левом фланге четыре солдата, отделившиеся от партии, собиравшей скот у китайцев, были схвачены китайцами и сожжены на костре». В другом сообщении говорилось, что в Хуаншане 7 января «происходила ружейная перестрелка с партией японских разведчиков в сторожевом охранении. Кроме того, наши охотники, выдвинувшиеся вперёд, также имели перестрелку с японцами. В этот день артиллерийским огнём японцы обстреливали Новгородскую и Путиловскую сопки, деревни Хауда, Неделин и редут, месторасположения пехотного полка».

В это же самое время в самой России назревали события ещё более угрожающего характера, хотя поначалу никто не взялся бы утверждать, что трагедия в столице 9 января 1905 г. – расстрел направлявшихся с петицией к царю демонстрантов – станет преддверием затяжной кровавой революции. Выходившее в Москве издание либерального толка (впоследствии кадетской ориентации) «Русские ведомости» опубликовало на 3-й странице на сей счёт лаконичное сообщение без заголовка: «Из Петербурга получены известия, что 9 января в разных частях столицы происходило массовое движение рабочих, вызвавшее вмешательство войск. Говорят о большом количестве убитых и раненых».

Несмотря на значительную территориальную отдалённость, события этой продолжавшейся на востоке бесславной войны и фактически начавшейся в Петербурге революции были накрепко связаны между собой: происходившее от непомерной тяжести военных расходов ухудшение экономики провоцировало углубление социального неравенства и вызывало в итоге возмущение пролетариев в городе и крестьян на селе. И уже по окончании войны для России её поражение возымело особенно масштабные и далеко идущие последствия. Во-первых, страна попала в экономическую и политическую зависимость от своих европейских союзников, Англии и Франции прежде всего. Огромные займы, потребовавшиеся для компенсации потерь, и ориентация на более мощные державы во внешней политике привели к необходимости выполнять непосильные обязательства уже в Первой мировой войне: в итоге и в 1905 г., и в 1917-м разваленная войнами экономика напрямую провоцировала массовые волнения внутри страны. Символично, что именно орудие крейсера «Аврора», чудом уцелевшего в разгромном Цусимском сражении в мае 1905-го, использовалось затем для сигнала к штурму Зимнего дворца в октябре 1917-го.

А тогда, в июне 1905 г., всего через месяц после поражения русской эскадры в Цусимском сражении, произошёл бунт на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», вызвав-

ший особую радость будущего вождя мирового пролетариата, который в предисловии к книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции»[12] прямо напишет, что «эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали программу временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов».

По крайней мере три немаловажных события следует отметить в этой насыщенной революционным пафосом тираде Ленина. Во-первых, хотя у Ленина об этом ничего не сказано, началом революционных событий 1905–1907 гг. стало не восстание на «Потёмкине» в Одессе, а «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда войскам был отдан приказ к расстрелу демонстрации в Петербурге: демонстранты были безоружны, с православными хоругвями они двигались по городу с целью передать царю петицию с просьбой об улучшении своего бедственного положения. Именно в тот день упование на «доброго» царя было уничтожено его недальновидными царедворцами, – вместо хоругвей пролетарии взялись за оружие, и революция началась.

Во-вторых, стачкам и демонстрациям городских пролетариев, волнениям на кораблях в самом деле сопутствовала масса крестьянских выступлений.

В-третьих, «крестьянская буржуазия», которой Ленин изначально тщился противопоставить «крестьянский пролетариат», совершенно очевидно происходила самым естественным образом от этого самого «крестьянского пролетариата», а иначе откуда бы ей ещё взяться? Однако этот очевидно ошибочный ленинский тезис – о разделении на классы единородного по сути крестьянства – с «успехом» использовали его прямые последователи, когда отправляли в ссылку (хорошо, если не на расстрел) деревенских «кулаков», эксплуатировавших на своих полях деревенских же пролетариев. «Кулакам», однако, их «богатство» доставалось не по наследству, как дворянам их поместья, а в результате упорного труда на земле, и только затем уже появлялась возможность найма дополнительной рабочей силы, необходимой для развития. На «кулаках» держалось снабжение города, но ленинским последователям, принимавшим его тезисы, относившиеся к началу века, за догму, – так же, как он сам до того воспринимал буквально тезисы Маркса, – это становилось очевидным только тогда, когда в результате голода погибали миллионы по всей стране…

Но вернёмся к событиям Первой русской революции. Впечатляет уже один только их географический размах – от Польши до Армении и от Финляндии до Белой Руси: по всей огромной империи перекатывался гром стачек и забастовок, вооружённых восстаний, погромов и политических убийств. Только в октябре 1905 г. по стране бастовали 2 млн. человек. Именно тогда напуганный размахом волнений Николай II поручает премьеру Сергею Витте, который летом того же года возглавлял русскую делегацию на подписании Портсмутского мирного договора с Японией, подготовить Манифест, вошедший в историю как Манифест 17 октября. За этим документом последовал указ «О временных Правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г.: его текст, как и текст Манифеста, демонстрировал вящие опасения самодержавия в том, что его текущее противостояние с народом может приобрести ещё более ожесточённые формы (для повременных изданий отменялись постановления об административных взысканиях, правила о залогах, ответственность за преступления в печати определялась отныне в судебном порядке и т. п.). Хотя куда уж больше – если в ряде районов шли настоящие бои рабочих с правительственными войсками. Тем не менее при рассмотрении событий 1905–1907 гг. необходимо всегда помнить, что первым **боевые** действия против собственного народа начало именно царское правительство – сначала при расстреле мирной демонстрации 9 января, а затем в середине октября 1905 г., когда петербурж-

[12] Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. – М. – Политиздат. – 1977.

ский губернатор генерал Д. Ф. Трепов велел расклеить по городу листовки, недвусмысленно сообщавшие об указании полиции «не жалеть патронов».

Но было очевидно и положительное в пусть и явственно беспорядочных действиях правительства. Во-первых, в 1906 г. под руководством нового премьера П. А. Столыпина, занимавшего до того пост министра внутренних дел, начались реформы на селе: крестьянам передавались наделы земли, выделялись кредиты, правительство скупало земли помещиков для последующей их перепродажи крестьянам на льготных условиях. Во-вторых, в стране произошёл настоящий всплеск политической активности: именно с принятием Манифеста 17 октября, декларировавшего «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов», возникли первые советы рабочих депутатов. Появились партии – конституционных демократов, октябристов, социалистов-революционеров. То есть, строго говоря, началась политическая жизнь, появилось легальное гражданское общество, часть которого, однако, постоянно колебалась на границе «света» и «тени», поскольку такие его представители, как большевики и радикальные эсеры, изначально избрали для себя путь исключительно подпольной работы.

Отдельного рассмотрения в связи с этим заслуживает и вопрос о нарастании, особенно в течение первого этапа революции, политической активности еврейского населения, точнее – о тяжёлых последствиях этой активности. Деятельность также вновь созданных в ту пору Бунда (еврейской рабочей организации) и Социалистической еврейской рабочей партии оказалась столь заметной, что спровоцировала в качестве ответной политической меры возникновение право-монархического Союза русского народа, а в качестве уголовной – массовые погромы. Только в октябре 1905 г. были убиты 4 тыс. евреев, раненых было ещё больше. Но и в этом случае, как в случае с тем, кто и как спровоцировал пролитие крови в революции 1905–1907 гг. в целом, нужно усматривать причину. Настоящей же причиной погромов была отнюдь не вдруг начавшая проявляться гражданская активность еврейского населения, а политика правительства, ранее насильно, в течение длительного времени ограничивавшего в правах представителей этой нации. С 1791 г. по всей империи действовал указ Екатерины II, которым для евреев была определена черта осёдлости: проживание за границами этой территории было разрешено только купцам (и только 1-й гильдии), служивым и ремесленникам. Основной массе евреев запрещалось проживать в городах и в сельской местности, а разрешалось – только в так называемых «местечках» городского типа. Активность еврейского населения (впрочем, не вооружённую, в отличие от «патриотически» настроенных погромщиков) провоцировали и такие циничные положения из правоустанавливающих документов царизма, как нормы о печати, по которым назначенным на должность ответственного редактора повременного (периодического) издания, например, мог быть только русский по национальности от 25 лет. Даром, что ещё в Уставе о цензуре и печати от 1890 г. не допускались к печати публикации, возбуждавшие «неприязнь и ненависть одного сословия к другому», или заключались «оскорбительные насмешки над целыми сословиями».

Тем не менее расчёт царского правительства, возглавляемого в 1905–1906 гг. Сергеем Витте, а затем Петром Столыпиным, состоял в том, что либерализация экономики на селе и политики в городах обеспечит спад волнений, в том числе на национальной почве. Но меры эти были восприняты в обществе как проявление слабости правительства, и одновременно – силы самого гражданского общества, слишком долго заключённого в рамках полицейского государства, каким была Российская империя в начале XX в. Тотчас появился лозунг «Добить правительство!», под воздействием которого и начались восстания в военных гарнизонах, в городах и сельской местности. И прав был Ленин, когда, в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» ещё летом 1905 г. среди прочего утверждал, что «революция учит… с такой быстротой и такой основательностью, кото-

рые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития… Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму». При этом под «социал-демократизмом» Ленин подразумевал, конечно же, менее всего теорию, но прежде всего – практику *боевого* противостояния с властью.

Очень скоро, осенью того же, 1905 г. стихийно начавшиеся волнения обрели организованную форму в виде Петербургского совета рабочих депутатов, в котором наибольшим влиянием пользовались две социал-демократические фракции – меньшевиков и большевиков, фактически вновь объединившихся на ниве противостояния царизму (как это часто случается, когда появляется общий враг). Ленин в своих трудах продолжал активно «сдабривать» политическую и организационную почву восстания, изо всех сил подталкивая развитие событий. Так, в опубликованной в «Новой жизни» 23 ноября 1905 г. статье «Умирающее самодержавие и новые органы власти» Ленин прямо сообщал о готовности приложить «все силы, чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее. Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей ближайшей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особенность и самостоятельность, и в Советы рабочих депутатов, и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа!».

Между прочим, именно тогда, в октябре 1905 г., в связи с работой Петербургского совета впервые широкую известность получили имена двух партийцев – Льва Троцкого и Александра Парвуса. Эту свою известность оба они впоследствии использовали по-разному: один (Троцкий) – для захвата власти в октябре 1917-го, другой (Парвус) – для получения материальной «помощи». Фактически же они в итоге, из-за обвинений в сотрудничестве с германским генеральным штабом, оказались по разные стороны политических баррикад. Но тогда, осенью 1905-го, оба активно сотрудничали в Петербургском совете, способствуя организации и проведению всероссийской стачки рабочих и попыток дестабилизации финансовой системы страны через изъятие вкладов из банков. Троцкий даже успел побывать в звании председателя совета (правда, совсем недолго после того, как был арестован его предыдущий руководитель Георгий Носарь-Хрусталёв). Активность эта, впрочем, не осталась незамеченной царским правительством, и уже в начале декабря 1905 г. его депутаты были арестованы, после чего в должности председателя, уже на нелегальном положении, успел побывать и Парвус.

Газеты тех лет, в отличие от наполненных субъективными оценками «исторических» трудов, по-прежнему предоставляют максимум информации о событиях, причём таким образом, что для пытливого читателя фактически не составит труда выяснить все обстоятельства «дела» с различных точек зрения. Будучи «первопрестольной», Москва не отставала от Петербурга по части разгула революционного движения: здесь в декабре 1905 г. началось настоящее вооружённое восстание. Позиция власти в фактически начавшейся гражданской войне была хотя и пространно, но достаточно точно изложена в двух заявлениях московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, опубликованных в газете «Русские ведомости» 19 декабря, в которых среди прочего говорилось: «Представители различных крайних политических учений, подчинившие себе людей слабых и порочных, дерзко стали на пути мирного обновительного движения и, сомкнувшись в общем стремлении ниспровергнуть всякий порядок, выбрали центром своей преступной деятельности первопрестольную Москву… Наступательные действия этих партий выразились прежде всего в насильственно вызванных забастовках почты и телеграфов, а затем с 7 декабря и железных дорог… Мятежническое движение это приняло особенно дерзкий характер в ночь с 9 на 10 декабря, когда в доме Фидлера, в Лобковском переулке, открыто собрались на сходку вооружённые лица, причисляющие себя к так называемым боевым дружинам различных партий, и когда

окружённые войсками, эти дружинники отказались сдаться и оказали полиции и войскам вооружённое сопротивление, открыв ружейный и револьверный огонь и бросив в войска несколько бомб, причём убит один офицер и ранено пять нижних чинов. / В последующие затем дни мятежники… почти непрерывно стреляли из засад по полиции и войскам… Наконец в последние два дня толпы мятежников, работая ночью… соорудили во многих улицах города баррикады». Разумеется, в такой ситуации новому генерал-губернатору Москвы, лишь недавно, в конце ноября 1905 г., назначенному специально с этой целью, ничего не оставалось, как предпринять самые жёсткие меры по подавлению мятежа – от объявления города на «положении чрезвычайной охраны» до предписания «употреблять оружие против всякой образовавшейся на улице кучки более трёх человек». При этом в своих заявлениях в прессе генерал-губернатор среди прочего обвинял восставших в «открытых нападениях на имущество мирных обывателей и на них самих», что соответствовало действительности: известно, что в любой войне, ведомой даже из самых благородных побуждений, всегда появляются желающие под шумок поживиться чужим имуществом. В данном случае аналогичный ход событий подтверждался в редакционном отчёте под заголовком «Революция в Москве» в том же номере «Русских ведомостей» от 19 декабря: «Местами, например, у ресторана “Волна”, в Каретном ряду, на Тверской, у магазина Кузьмина, происходили столкновения между забастовщиками и торгующими. На Большой Лубянке был разгромлен оружейный магазин Биткова… В “Олимпии” должно было происходить собрание торгово-промышленных служащих, но оно было сорвано рабочими, заявившими, что теперь не время для мирного обсуждения профессиональных нужд, а нужно готовиться к вооружённому восстанию». В остальном же, за исключением «издержек» вроде нападений на уличных торговцев и служащих, всё происходило в точности по Ленину: 7 декабря началась всеобщая политическая забастовка и появился (в № 1 «Известий Совета рабочих депутатов») манифест революционных организаций. Сообщая о забастовке, манифест призывал к вооружённому восстанию в целях свержения правительства и учреждения демократической республики.

Однако всё то, что происходило в Москве, Петербурге и по всей империи после 9 января 1905 г., возникало и происходило не вдруг: расстрел мирной демонстрации лишь спровоцировал взрыв давно назревшего общественного недовольства. Так, газета «Новое время» в опубликованном ещё 6 января 1905 г. обзоре печати приводит красноречивые высказывания на сей счёт «Русских ведомостей»: «По поводу беспорядков в Баку, вызванных невозможным положением рабочих на нефтяных промыслах, что было недавно подтверждено и генералом фон Валем, исследовавшим этот вопрос на месте, “Русские ведомости” говорят: При современном хозяйственном строе стачки неизбежны и являются в руках рабочих таким же средством самообороны, каким в руках предпринимателей массовый расчёт рабочих. Но те мрачные последствия, какими они сопровождаются, могут и должны быть предупреждены, а для этого остаётся один только путь – пересмотр нашего законодательства. Бакинская стачка ярко показала, к каким тревожным событиям ведёт отсутствие надлежащей организации рабочих. Необходима немедленная отмена законов, карающих чуть ли не за каждое действие рабочих в этом направлении. Необходима свобода стачек, союзов и собраний [“Русские ведомости” как в воду глядели, но царизм уж слишком опоздал с демократизацией общественной жизни, провозглашённой в Манифесте 17 октября того же, 1905 г. – *А. А.-О.*]. Пора отказаться от ложного представления, будто интересы капитала равнозначащи с интересами государственными и требуют подавления рабочих движений полицейскими и уголовными мерами», – а это у же непосредственно о том, что к началу XX в. в России, в отличие от Европы, отношения между трудом и капиталом находились ещё на самой начальной, зачаточной стадии своего формирования, и пролетариат, стало быть, ещё не был готов к тому, чтобы брать государственную власть в свои руки (как не был он к этому готов и двенадцать лет спустя, в 1917-м).

Возвращаясь к событиям 1905 г. в столицах, отметим, что разгоревшиеся в них до угрожающих размеров выступления были жестоко подавлены. Сила этих выступлений, однако, никуда не исчезла, трансформировавшись в новые кровавые мятежи по всей империи. При этом в ходе революции помимо процесса политической организации пролетариата, выразившейся в создании советов, естественным образом, также прямо по Ленину, возникали и действовавшие уже на постоянной основе организации боевые. В итоге в ходе революции российская социал-демократия, и не в последнюю очередь большевики, перешла к осуществлению политического террора – к организации систематических убийств царских чиновников, прежде всего представителей силовых структур. Только в течение 1905–1907 гг. были убиты около 9 тыс. человек (всего с 1905 по 1911 г. – 17 тыс.): убивали губернаторов, полицмейстеров, жандармов и исправников, приставов и надзирателей. В действующей армии и на флоте жертвами солдат и матросов становились высшие офицеры: в 1905 г. был убит бывший военный министр В. В. Сахаров, в 1906 г. – командующий Черноморским флотом Г. П. Чухнин, начальник штаба Кавказского военного округа Ф. Ф. Грязнов и т. д. Гнев революционеров и пролетариев распространялся также на гражданских лиц – владельцев и управляющих заводами, банками, торговыми предприятиями. Из видных деятелей самодержавия революционеры уничтожили также министра внутренних дел Д. С. Сипягина, губернатора кн. И. М. Оболенского, вел. кн. С. А. Романова, планировали убийство царя Николая II (было отложено до наступления «лучших времён» в 1918 г.) и премьера П. А. Столыпина (совершилось «удачно» в 1911 г.).

Кто были эти люди, стрелявшие в гражданских и военных, готовые убивать, а значит, и сами готовые к тому, чтобы быть убитыми? Боевую организацию эсеров сначала возглавлял сподвижник «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской Григорий Гершуни, с мая 1903 г. – некто Евно Азеф, оказавшийся полицейским агентом. «Техническая» группа РСДРП действовала под водительством известного большевика Леонида Красина. И в этом случае вновь в точности по Ленину – «одновременно и с разных концов» на практике реализовывался «план построения боевой общерусской организации», впервые озвученный им в статье «С чего начать?» в газете «Искра» ещё в 1901 г. Правда, единой боевой организации с самого начала, ввиду разногласий в среде левых течений, не получилось: таких организаций было несколько, и самыми заметными из них стали упомянутые боевое подразделение эсеров и «техническая» группа РСДРП. Дело дошло до того, что в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе (Финляндия) состоялась так называемая Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП[13]. Конференция эта, между прочим, недвусмысленно заявила, что ввиду того, «что военные и боевые организации… признаны РСДРП как соответствующие тактике революционной социал-демократии, – конференция военных и боевых организаций признаёт: / 1) что роль военных организаций в период вооружённой борьбы народа с правительством должна свестись к ослаблению армии, как орудия подавления в руках правительства, путём внесения дезорганизации в её ряды и укрепления в ней влияния социал-демократии; / 2) что роль боевых организаций – развитие в народных массах правильного понимания вооружённого восстания и подготовка как организационная, так и техническая народных масс к вооружённому восстанию».

Под знамёнами боевых организаций оказался и один из будущих «классических» большевиков, ставший «остриём» большевистского переворота в Петрограде в октябре 1917 г., Владимир Антонов-Овсеенко: в 2 часа 10 минут ночи 25 октября он лично арестовал членов Временного правительства в Зимнем дворце. Но это произойдёт только через двенадцать лет, а тогда, в 1905-м, 22-летний Володя Овсеенко, выпускник Владимирского пехотного учи-

[13] Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь 1906 г. Под редакцией Ем. Ярославского. – М. – Партиздат. – 1932. – Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии.

лища в Санкт-Петербурге, сын георгиевского кавалера, героя Русско-турецкой войны капитана Александра Анисимовича Овсеенко, вступил в одну из боевых организаций РСДРП, – к работе в ней он как нельзя более подходил и по образованию, и по внутреннему настрою. Революцию 1905 г. он встретил в полку под Варшавой, куда был распределён после производства в офицеры: здесь он впервые принял участие в организации стачек и демонстраций, в издании нелегальной периодики, здесь же впервые применил оружие, выстрелив в фельдфебеля, пытавшегося его задержать в расположении военной части, где Владимир Овсеенко вёл пропаганду среди личного состава. Выстрелов и взрывов в его жизни будет потом ещё много…

Кстати, тогда, в 1905 г., Антонову-Овсеенко пришлось воспользоваться для переезда в Краков помощью польского социал-демократа Якова Ганецкого (Фюрстенберга), будущего фигуранта «дела» о шпионаже большевиков в пользу Германии: именно фамилию Ганецкого, через запятую после Ленина, упомянет в скандально известной публикации «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!» газета «Живое слово» 5 июля 1917 г., первым же звеном этой цепи будто бы стал Александр Парвус. Не тогда ли, ещё в 1905 г., складывался будущий «преступный» союз? Тем более что и с Лениным Владимир Антонов-Овсеенко познакомился в Петербурге в декабре того же 1905 г.; затем его же арестуют среди других 72 фигурантов «дела» Ленина и Ганецкого в июле 1917-го в Петрограде. Однако – по порядку.

Небрежение человеческой жизнью, впервые проявленное в ходе расстрела мирной демонстрации 9 января 1905 г., в течение всей революции 1905–1907 гг. «небезуспешно» демонстрировали обе стороны конфликта. После кульминации в декабре 1905 г. – ареста Петербургского совета и подавления восстания в Москве – война с режимом приобрела черты затяжного позиционного противостояния. Газеты ежедневно пестрели сообщениями о взаимных расправах властей и противников режима друг с другом в городах и сельской местности. Характерными были приводимые, например, в кадетской «Речи» за 1 (14) декабря 1906 г. описания событий в российской провинции: «Варшава. 30 ноября (СПА). Забастовка портных продолжается. Агитаторы уничтожают материал и разбивают выставочные стёкла. “Варшавский дневник” приводит четыре случая насилия за вчерашний день». В Варшаве при этом в то время было относительно спокойно – в сравнении с центрами других российских провинций, для сообщений из которых потребовалась специальная рубрика с красноречивым названием «Смертные казни»: «Митава, 30 ноября (СПА). – Латыши Спроче, Озол, Домбровский, Зиле и Шважевич, все в возрасте от 18 до 32 лет, изобличённые в совершении разбоев в окрестных уездах, приговорены военно-полевым судом к смертной казни. / Вильно, 30 ноября (СПА). – Вчера военно-окружной суд приговорил Тайхеля Глезера, обвинявшегося в покушении на убийство городового в Вильне, к смертной казни через повешение. / Томск, 30 ноября (СПА). – Военный суд за убийство семейства Лесиных приговорил трёх обвиняемых к смертной казни через повешение» и т. д. и т. п.

Очевидно, что уголовная хроника здесь перемежается с политической, но такова была действительность в России в то время: граница между течением политического процесса и обычным бандитизмом была иллюзорной. Так, например, под рубрикой «Революционное движение» та же «Речь» от 1 (14) декабря 1906 г. сообщала: «Одесса. 29 ноября. Вечером на центральной многолюдной Преображенской улице в наряд из пяти городовых брошена бомба, ранившая городовых. / Рига, 30 ноября (СПА). В погребе лавки Берга обнаружены два воза революционной литературы, несколько пудов шрифта, паспортные бланки, подложные свидетельства, печати и патроны». То же самое – в смысле слабости границ между уголовными и революционными деяниями – отмечалось в сообщениях «Речи», публикуемых под рубрикой «Крестьянское движение»: «Чернигов, 30 ноября (СПА). Толпою крестьян в селе Кирилловке, Новозыбковского уезда, в усадьбе помещика Суровцова перерезан скот и искалечен сторож. / Кишинёв, 30 ноября (СПА). В селе Асиенах Кишинёвского уезда между кре-

стьянами и помещиком Огановичем возникли аграрные недоразумения. У Огановича сгорели скирды соломы, люцерны, полбы; убытки исчисляются в 2000 руб.».

Будущего вождя мирового пролетариата безусловно не могло не радовать подобное нарастание «революционной активности». И ещё на начальном этапе революции, летом 1905 г., когда маховик нападений и ответных репрессий правительства только раскручивался, Ленин в книге «Две тактики социал-демократии…» обрушился на тех, кто предлагал реализовать попытки легального разрешения социального конфликта: «Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то "Освобождение" и восхваляет акимовщину, "экономизм" в социал-демократии, выдвигающий *теперь* [курсив Ленина] на первый план профессиональные союзы и легальные общества. Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 "Освобождения") принципиальные тенденции акимовщины в новоискровства. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III съезда Российской социал-демократической рабочей партии».

По прочтении этих ленинских строк может возникнуть впечатление, что Струве для Ленина был тем, кто изначально находился по «ту» сторону политических баррикад. Однако это не так: как и в случае с Плехановым, Струве был политически старше Ленина; изначально марксист, будущий авторитетный либеральный политический деятель, экономист, историк и философ, он впервые был арестован ещё в 1894 г., готовил документы для I съезда РСДРП в 1898 г., а также доклад Г. В. Плеханова на конгрессе II Интернационала в Лондоне в 1896 г. Наконец, в 1900 г. Пётр Струве вместе с Лениным и Мартовым принимал участие в совещании об организации партийной газеты «Искры». Так что Ленин лично хорошо знал человека, взгляды которого так яростно теперь критиковал.

Журнал «Освобождение», который в негативном контексте также упомянут Лениным, был выходившим раз в две недели печатным органом созданного при участии Струве «Союза освобождения», уже осенью 1905 г. преобразованного в партию конституционных демократов (сокращённо – кадетов), с самого начала приобретшую и второе наименование – Партии народной свободы. Между прочим, до того момента, как председателем Петербургского совета стал Лев Троцкий (об этом мы уже говорили выше), его возглавлял член этого самого столь резко критиковавшегося Лениным «Союза освобождения» Георгий Носарь (Хрусталёв).

Разумеется, Ленин с тем же, присущим ему при обращении к теме «Союза освобождения» рвением принялся впоследствии критиковать и деятельность партии кадетов, выросшей напрямую из этого «Союза»: и то и другое для Ленина было слишком буржуазным, чрезмерно либеральным и т. д. и т. п. Однако на поверку всё оказывалось совершенно иначе: кадеты, как и «освобожденцы», изначально были не менее революционно настроены, чем сами большевики. Так, члены «Союза», Дмитрий Шаховской и Пётр Долгоруков (даром, что оба – князья), входили в нелегальное бюро Земских съездов. Сам «Союз» изначально также находился на нелегальном положении, а в его программу хотя и входило создание конституционной монархии, но среди прочего одним из пунктов значилось – внимание! – принудительное отчуждение частных земель в качестве способа решения социальных проблем.

Печатным органом новой партии конституционных демократов и стала газета «Речь», первый номер которой вышел 23 февраля (8 марта) 1906 г. при ближайшем участии П. Н. Милюкова и И. В. Гессена и которая с большой точностью определила тогда главную причину социальных волнений – традиционное несоответствие продекларированной на бумаге (в царском Манифесте) либерализации действительному положению вещей: «Если бы в октябре или начале ноября кто-нибудь стал утверждать, что через два месяца мы будем нахо-

диться в тех условиях, которые теперь в действительности наступили, то много ли нашлось бы людей, которые не отнеслись бы к такому утверждению как к проявлению неосновательного, задорного скептицизма? И не столько потому, что подобно союзу 17 Октября они в появлении манифеста усмотрели разрешение наболевших вопросов: история не раз уже показывала, что бумажное провозглашение отделяется от действительного осуществления потоками крови».

Действительно, за прошедшие с конца 1905 г. месяцы ситуация в стране в корне изменилась: правительство от показательной либерализации перешло к жёстким репрессиям. Бывающие в официальных отчётах сухими и скучными описания происходящего приобрели в «Речи» почти колокольное звучание: «Достаточно вспомнить, например, что случилось, когда в конце октября в Польше было объявлено военное положение: взрыв негодования охватил всю мыслящую Россию, и совет министров оказался вынужденным оправдываться пред обществом, а через несколько дней снять военное положение. То же самое случилось, когда разнёсся слух, что кронштадтским матросам угрожает полевой суд и смертная казнь… Теперь всё это кажется далёким прекрасным сном. Теперь людей расстреливают, как куропаток. Теперь не осталось ни одного города, скоро не будет ни одного села, которое не было бы залито кровью наших сестёр и братьев… Что же случилось? Неужели же весь секрет спасения России, обладателем которого является гр. Витте, в том только и заключался, чтобы усиленную охрану заменить чрезвычайной, а военные суды карательными экспедициями?».

Правительство тем не менее наряду с репрессиями с самого начала предпринимало и демонстративные попытки наладить диалог с обществом на мирной основе. Так, «Русские ведомости» в номере от 1 февраля 1905 г. (то есть совсем вскоре после «кровавого» воскресенья) сообщали о шагах правительства, долженствовавших, по замыслу, снизить накал волнений, в которых никто, конечно, не осмелился бы тогда усмотреть первые всполохи начинавшейся революции: «Петербург. По распоряжению генерал-губернатора 31 января на всех фабриках и заводах столицы вывешены отдельно напечатанные плакаты о высочайшем повелении по образованию особой комиссии для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в Петербурге и его пригородах и изысканию мер к устранению таковых. 31 января, вечером, на всех фабриках и заводах будут происходить выборы уполномоченных в комиссию из среды рабочих».

Кроме того, впервые в истории страны была подготовлена конституция. Но и в этом случае желаемое оказалось слишком далеко от действительности, и та же «Речь» от 23 февраля 1906 г. в обзоре печати с горечью замечала: «Никто, конечно, не ожидал, чтобы нынешнее правительство – гр. Витте-Дурново выработало основной закон, соответствующий требованиям жизни. Ведь даже временные правила о печати пришлось переделывать через месяц по их издании. Тем не менее то, что дано, глубоко разочаровало всю печать» – за исключением верноподданнически настроенных газет «Новое время» и «Русское государство».

Обличительный пафос газеты «Речь», как это видно даже по этим отрывочно приведённым цитатам, вполне мог бы соответствовать самым смелым высказываниям какого-нибудь сугубо большевистского издания: куда уж, казалось бы, революционнее, разве что на немедленный штурм царизма не призывают. Но на эту, будто бы выражающую исключительно интересы буржуазии партию и её печатный орган тем не менее с гневом обрушивался Ленин.

В чём же дело? Почему Ленин предпочёл публичную конфронтацию политической дружбе с кадетами на почве совместного противостояния самодержавию? Всё просто: Ленину не нужна была политическая конкуренция, тем более представленная лучшими, образованнейшими людьми современности, какими были Струве, Гессен, Долгоруков и Шаховской. В подобной ситуации Ленину оставалось одно: настаивать на революционном насилии как единственной альтернативе легальным мерам, предлагаемым конкурентами, и

полагаться в этом на слои населения, изначально чуждые кадетам, а именно на городской и деревенский пролетариат. Поэтому-то в своей работе «Две тактики социал-демократии…» Ленин отмечает, что «надо ещё много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса», и тут же задается вопросом: «Где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооружённом восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства?».

Из самой постановки вопроса Лениным становится, кажется, ясным – каким, по его мнению, должен быть ответ. Тем более что ответ этот был сформулирован двумя месяцами ранее, на III съезде РСДРП, собравшемся в апреле 1905 г. в Лондоне без меньшевиков (те провели в Женеве свою конференцию). На съезде Ленин настаивал (и ему это вполне удалось) на принятии резолюции «революционного» содержания: «Принимая во внимание… что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания [альтернатива легальной работе. – *А. А.-О.*]… что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом её строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, / III съезд РСДРП постановляет: / …в зависимости от соотношения сил… допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками»[14].

Помимо вопроса о временном правительстве, исторический – в смысле его решений, повлиявших на весь дальнейший ход развития страны, – III съезд РСДРП рассмотрел вопросы об отношении к крестьянскому движению (выше упоминалась статья Ленина в «Новой жизни» от 12 ноября 1905 г., специально посвящённая этому вопросу), к отколовшейся части партии (меньшевиков признали оппортунистами и осудили), к национальным организациям, вопрос о практических соглашениях с эсерами (неприятие конкуренции было всё же не тотальным) и другие. Вёл заседания и руководил всей работой съезда, кстати, делегат от Одесского комитета партии Владимир Ульянов (Ленин). Для того чтобы сподручнее было проводить решения съезда в жизнь, он по ходу дела укрепил властную вертикаль внутри партии, ликвидировав существовавшую ранее систему двух центров (ЦО и ЦК), оставив лишь один управляющий орган – ЦК. Заодно был отредактирован в ленинском духе первый параграф устава. Кроме того, в связи с переходом «Искры» в руки меньшевиков новый ЦК получил задание организовать выпуск и нового печатного органа – газеты «Пролетарий», редактором которого, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в его действительном содержательном курсе, был назначен Ленин.

Война, если характеризовать это одним словом, – вот что предлагалось в итоге, и что в значительной степени удавалось большевикам и их союзникам реализовывать в течение 1905–1907 гг. Но любой войне, как известно, когда-нибудь обязательно приходит конец: верх берёт одна из противоборствующих сторон, и наступает реакция. Царизм тогда, в 1905–1907 гг., был ещё слишком силен, чтобы уступить свои позиции кому бы то ни было, и, почувствовав реальность угрозы слева, призвал на помощь правые силы (Союз русского народа и т. п.), присовокупив к их деятельности все мыслимые и немыслимые административные возможности госаппарата. Пётр Столыпин, будучи назначенным в 1906 г. председателем правительства, принялся энергично наводить порядок во всех сферах жизни российского общества и государства. «Потоки крови», упоминавшиеся в публикации газеты «Речь» за февраль

[14] III съезд РСДРП (апрель—май 1905 г.): Протоколы. – М. – Госполитиздат. – 1959.

1906 г., казались теперь ручейками – в сравнении с развернувшейся во всю мощь под дланью Столыпина деятельностью военно-полевых судов.

Столыпина до сих пор критикуют за проведение в жизнь подзаконного (ещё точнее – незаконного) Положения о военно-полевых судах, согласно которому лиц, уличённых в нападениях на представителей государства, разбое и грабежах, судили и казнили в ускоренном порядке с той лишь разницей, что военных расстреливали, а гражданских вешали. Правительство даже не вынесло на рассмотрение Госдумы Положения о военно-полевых судах, отдавая себе отчёт в том, что подверженный влиянию слева парламент ничего подобного не одобрит. Так оказалось, что война с обеих сторон велась не имевшими отношения к законодательству методами: революционеры расстреливали чиновников, не утруждаясь разбирательством их вины, а военно-полевые суды, в свою очередь, отвечали казнями, столь же мало задумываясь над необходимостью проведения элементарного следствия.

Вероятно, исходя из сомнительной разницы между расстрелом и повешением, социалист (тогда ещё не вполне большевик) Антонов-Овсеенко, будучи арестованным во время перестрелки с жандармами в Севастополе в 1906 г., скрыв своё настоящее имя и офицерское звание, представился на суде Антоном Кабановым, и его как гражданского приговорили к повешению, заменённому по ходатайству социал-демократической фракции Госдумы 20-летней каторгой. Но, подпоив охрану, Антонов-Овсеенко вместе с другими заключенными взорвал стену тюрьмы и бежал. Именно такие люди вели войну не на жизнь, а на смерть с самодержавием, этим людям противостоял Пётр Столыпин вместе со всей мощью государственного аппарата.

Между тем к максимально жёстким мерам правительство подталкивала повсеместно сопровождавшая политические выступления уголовщина, примеры чему мы уже здесь приводили: для государства в таком случае становится не важным, из каких побуждений действовал преступник – из политических или с целью наживы. Видимо, из этого исходил и Столыпин, когда проводил в жизнь Положение о военно-полевых судах, тем более что сами революционеры своими действиями, кажется, провоцировали его на это: в августе 1906 г. от взрыва, устроенного на даче Столыпина на Аптекарском острове, погибли и были ранены несколько десятков человек, в том числе двое его собственных детей. Тут уж не до любезностей с «политическими»: маховик репрессий заработал на полную мощность.

Правда, в деятельность правительства постоянно вмешивалась и II Госдума, столь же подверженная влиянию левых партий, как и её самый первый состав. Тогда-то, в июне 1907 г. Столыпин, воспользовавшись надуманным предлогом, предоставил царю возможность роспуска Госдумы с одновременным изменением избирательного права в пользу партий, лояльных самодержавию, и в ущерб левым партиям всех мастей: в истории эти события получили название «третьеиюньского переворота».

Однако и после столь решительных мер премьеру Столыпину далеко не сразу удалось утихомирить революционные страсти. Из публикаций «Русского слова» от 2 сентября 1907 г. можно было узнать, например, что «в Лодзи при исключительных обстоятельствах убит на своей фабрике доктор химии Мечислав Зильберштейн. Убили его рабочие за отказ заплатить 15 000 рублей за время безработицы». В Митаве (Латвия), по сообщению того же «Русского слова» от 2 сентября 1907 г., накануне было «закончено следствие по делу о революции в Голдингенском уезде. Обвиняемых – 34. Глава движения Пунжнаергле во время революции организовал народную милицию в 30 000 гвардейцев»…

Не лучшим образом (для самодержавия) обстояли дела и в таких составляющих империи, как Грузия и Украина. В Тбилиси, например, «временно обязанные крестьяне князя Бектабекова Микелашвили, Надирашвили и Гамбарашвили, Горийского уезда, убившие 12 марта 1906 г. названного князя, приговорены кавказским военно-окружным судом к повешению», а в Киеве «именующий себя Кишняковым, обвинявшийся в покушении на разбой

и убийство городового, военно-окружным судом приговорён к смертной казни». В то же самое время, по сообщению «Русского слова», на Суражской улице Белостока «неизвестные стреляли в проходивший патруль; ответными выстрелами патруля один ранен»; в Екатеринославе «на Выездной улице обнаружена квартира с бомбами и револьверами. Арестованы двое». На эти бомбы и револьверы, убийства и грабежи Столыпин отвечал новыми казнями, расстрелами и повешениями, и, казалось, что невозможно ни разорвать порочный круг преступлений, ни остановить жуткий «поезд» ответных репрессий…

В этих условиях революционерам, теснимым с одной стороны широкими полномочиями военно-полевых судов, работой полицейского аппарата, с другой – потерей политической поддержки парламента, ничего не оставалось, как прекратить сопротивление и либо вернуться к мирному существованию, либо отправиться в эмиграцию в расчёте на лучшие времена.

Особенно показательным в этом было положение Антонова-Овсеенко, которому в случае нового ареста после «третьеиюньского переворота» уже не приходилось рассчитывать на ходатайство своей фракции в парламенте, и он, как и многие другие, был вынужден отправиться в эмиграцию.

1.4. Между первой и второй: французская эмиграция русских социалистов

«Ну её к чёрту, эту Бельгию с её хвалёной свободой!.. Оказывается, что здесь не смей после десяти часов вечера в своей же комнате ни ходить в сапогах, ни петь, ни кричать», – процитировал воспоминания об эмиграции большевика А. С. Шаповалова писатель Илья Эренбург в документальном романе «Люди, годы, жизнь»[15]. «Мне довелось повидать различные эмиграции – левые и правые, богатые и нищие, уверенные в себе и растерянные; видел я и русских, и немцев, и испанцев, и французов, – писал также об этом предвоенном периоде жизни русских “политических” Эренбург. – Одни эмигранты вздыхали о прошлом, другие жили будущим. Но есть нечто общее между эмигрантами различных толков, различных национальностей, различных эпох: отталкивание от чужбины, где они очутились не по своей воле, обострённая тоска по родине, потребность жить в тесном кругу соотечественников и вытекающие отсюда неизбежные распри». Главное, что явилось для многих сюрпризом в той же «свободолюбивой» Франции, это готовность демократического будто бы государства к репрессиям против инакомыслия.

Выдающийся и несправедливо забытый поэт Марк Талов так описывал в стихах это эмигрантское ощущение:

Свобода, Равенство и Братство.
Девиз? Ну что же, он по мне!
Вот в чём, однако, святотатство:
Начертан он и на стене
Тюрьмы «Сантэ», где и поныне
Укоротят по плечи рост —
И не мигнёшь! – на гильотине.
Кровь смоют, снова чист помост…

Задолго до этого Герцен, описывая эмиграцию в Лондоне, говорил, что «француз не может примириться с “рабством”, по которому трактиры заперты в воскресенье. / …Иногда я ходил на доклады, их называли “рефератами”. Мы собирались в большом зале на авеню де Шуази; зал был похож на сарай; зимой его отапливали посетители. А. В. Луначарский рассказывал о скульпторе Родене. А. М. Коллонтай обличала буржуазную мораль. Порой врывались анархисты, начиналась потасовка».

В эмиграции же, в Стокгольме, в апреле 1906 г,, прошёл и IV (объединительный) съезд РСДРП[16]. На нём Ленин, воодушевлённый тем, как разворачивались события в России, уже приступил к обсуждению того, что нужно будет делать с землёй после победы городского и сельского пролетариата. В этом своём стремлении он исходил из нескольких, представлявшихся ему наиболее важными, посылов. Во-первых, необходимо было обеспечить переход революции буржуазной в социалистическую – об этом Ленин неоднократно говорил и писал ранее, и, кажется, уже предвкушал этот переход (во всяком случае активно к нему готовился). Во-вторых, когда (сослагательное наклонение «если» даже не возникало) социалистическая революция победит, нужно же будет что-то делать с землёй. В-третьих, Ленин продолжал развивать идею союза городского и сельского пролетариата – союза тем более противоесте-

[15] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Кн. 1 и 2. – М. – Советский писатель. – 1961. – 636 с.

[16] IV (объединительный) съезд РСДРП (апрель—май 1906 г.): Протоколы. – М. – Госполитиздат. – 1959.

ственного, что крестьянин, даже самый обездоленный, по сути своей – собственник, стремящийся так или иначе или к начальному обретению собственности – земли и орудий её обработки, или к увеличению уже имеющегося. В очевидности этого обстоятельства будет впоследствии убеждать своих товарищей по партии видный сподвижник Ленина Николай Бухарин (впрочем, тщетно). Городской же пролетариат, состоявший, кстати, из бывших крестьян и их потомков, которые, потеряв всё на селе, отправились от безысходности на заработки в город, изначально относился к фабрикам и заводам, как к чьей-то заведомо чужой собственности, ничем абсолютно сам не обладал и, собственно, поэтому-то и именовался пролетариатом. Но Ленин для удержания власти остро нуждался в таком союзнике, как сельский пролетариат, и поэтому изо всех сил продолжал развивать эту несбыточную изначально идею. Но чтобы эта мысль понравилась и самим крестьянам, нужно было провозгласить курс на национализацию земли. И неважно, что съезд проходил в Стокгольме и крестьяне могли никогда не узнать о такой заблаговременно проявленной заботе вождя большевиков об их благосостоянии: машина партийной пропаганды уже тогда набирала обороты, достаточные для того, чтобы гром политических дискуссий отдавался явственным эхом в российской глубинке.

А дискуссий на съезде было множество, причём вновь по, казалось бы, малозначащим вопросам формулировок. Все – и большевики, и меньшевики, и центристы – разделяли мнение, что землю у помещиков и церкви нужно было «отъять», но меньшевики настаивали, что в резолюции съезда необходимо использовать формулировку «отчуждение», а большевики требовали непременной «конфискации». И хотя ввиду подавляющего численного перевеса меньшевиков на съезде резолюции в целом принимались под их диктовку, в этом конкретном вопросе последнее слово осталось за большевиками: землю намечено было именно «конфисковать». И здесь вновь возникает главный вопрос, заключающийся, конечно же, не в том, какой синоним следует употреблять для реализации практики банального отъёма земли: что предполагалось делать с землей далее? Большевики, как показала история, вовсе не намеревались передать её крестьянам: по их мнению, в случае успеха социалистической революции землю нужно было национализировать, а это отнюдь не одно и то же.

Несколько дальше в этом вопросе пошли на съезде бывшие в меньшинстве «разделисты»: они предлагали после национализации ли, конфискации ли, или отчуждения – не важно – разделить землю между крестьянами. И таки да! – съезд в итоге признал, что землю нужно разделить между крестьянами, но, однако, только в том случае, если окажется почему-либо невозможной «муниципализация»: ещё одна великолепная формулировка, на сей раз меньшевистского производства, принятая в том числе на съезде, хотя и оспоренная затем Лениным в специальном заявлении.

По вопросу же «Об отношении к Государственной думе» съезд решил, что российская социал-демократия должна «планомерно использовать все конфликты, возникающие как между правительством и Думой, так и внутри самой Думы, в интересах расширения и углубления революционного движения, и для этого: / стремиться расширить и обострить эти конфликты до пределов, дающих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка».

Между прочим, съезд, против ожидания, хотя официально и не осудил декабрьское, 1905 г., вооружённое восстание в Москве, но одновременно, в резолюции «О партизанских выступлениях», фактически высказался против таких методов борьбы, справедливо заметив, что «деклассированные слои общества, уголовные преступники и подонки городского населения всегда пользовались революционными волнениями для своих антисоциальных целей».

Разумеется, для Ленина подобного рода формулировки были, по существу, как кость в горле, и он ещё по ходу заседаний с присущей ему энергией принялся составлять специаль-

ное заявление от большевиков, согласно которому, с одной стороны, большевики голосуют «за» все эти половинчатые резолюции – раз уж решили назвать съезд «объединительным», – но, с другой, оставляют за собой право идеологического сопротивления. Так, в начале своего заявления Ленин отмечал, что безусловно «объединительный съезд РСДРП состоялся. Раскола нет более. Не только прежние фракции "большевиков" и "меньшевиков" организационно слились вполне, но и достигнуто объединение РСДРП с польской социал-демократией, подписано объединение с латышской и предрешено объединение с еврейской, т. е. "Бундом". Политическое значение этих фактов было бы при всяких условиях очень велико, оно становится поистине громадным ввиду переживаемого исторического момента».

Далее Ленин сформулировал основные задачи социал-демократии на «данный исторический момент», состоявшие, по его мнению в том, чтобы «беспощадно разоблачать конституционные иллюзии, поддерживаемые и правительством, и буржуазией в лице её либеральной партии – кадетов… призвать революционное крестьянство к сплочению во имя полной победы крестьянского восстания… разъяснять широким массам великое значение первого декабрьского восстания и неизбежность нового восстания, которое одно только будет в состоянии действительно отнять власть у царского самодержавия, действительно передать её народу». И хотя с такой постановкой вопроса на том съезде, кажется, никто и не спорил, Ленин в конце своего заявления, вопреки примирительному тону его начальных строк, вновь перешёл в наступление на своих старых врагов: «Мы не можем и не должны замалчивать того факта, что, по нашему глубокому убеждению, объединительный съезд партии не вполне правильно понял эти задачи. В трёх важнейших резолюциях съезда определённо обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции меньшевиков, численно преобладавшей на съезде. / В аграрной программе съезд принципиально принял муниципализацию. Муниципализация означает собственность крестьян на надельные земли и аренду крестьянами переданных земствам помещичьих земель. В сущности это нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой. Крестьяне не примут такого плана. Они потребуют либо прямого раздела земли, либо перехода всех земель в собственность народа. Серьёзной демократической реформой муниципализация могла бы явиться лишь в случае полного демократического переворота, при республиканском строе с выборностью чиновников народом. Мы и предлагали съезду, по крайней мере, связать муниципализацию с этими условиями, но съезд отклонил наше предложение. А без этих условий муниципализация, как реформа либерально-чиновническая, даст крестьянам совсем не то, что им надо, и в то же время доставит новую силу, новое влияние господствующим в земствах буржуазным антипролетарским элементам, отдавая фактически в их руки распределение фонда земель. Мы должны разъяснить этот вопрос широким массам рабочих и крестьян. / В своей резолюции о Государственной думе съезд признал желательным создать в этой Думе парламентскую фракцию с.-д. Съезд не пожелал считаться с тем фактом, что 9/10 сознательных рабочих России, в том числе все польские, латышские, еврейские с.-д. пролетарии, бойкотировали эту Думу. Съезд отклонил предложение обусловить участие в выборах возможностью действительно широкой агитации среди масс. Он отклонил предложение о том, чтобы членами парламентской фракции с.-д. могли быть только те, кого рабочие организации выставили кандидатами в Государственную думу. Съезд, таким образом, вступил на путь парламентаризма, не оградив партию даже теми гарантиями, которые выработал в этом отношении опыт революционной социал-демократии в Европе».

В целом же этот съезд, несмотря на принятие примирительных резолюций об использовании политических возможностей Государственной думы, то есть фактически о стремлении к легальным методам работы, вновь, кажется, делил шкуру неубитого медведя: опять обсуждались вопросы и выносились резолюции о «временном правительстве», «революционном самоуправлении» и тому подобном, причём в такой стилистике, что, кажется, и Ленин

должен был бы быть вполне удовлетворённым. Однако на деле царизм был ещё слишком крепок для любых предпринимаемых против него атак изнутри: для того чтобы его свалить, требовалось нечто большее, чем резолюции съездов и действия отчаянных и отчаявшихся боевиков, нечто извне. Таким фактором, в корне поменявшем соотношение сил, стала Первая мировая война: сила её воздействия на ситуацию внутри страны потребует отдельного разбирательства.

Но на IV съезде РСДРП Ленин был прав по крайней мере в одном: нельзя было вести политику двойных стандартов, логика борьбы с самодержавием так или иначе подталкивала к выбору между вооружённым, или политическим, противодействием, между обороной и нападением. Ленин раз и навсегда выбрал для себя нападение. Этой линии он придерживался и на следующем, V съезде РСДРП[17], состоявшемся в апреле—мае 1907 г. в Лондоне: это был максимально широкий, по составу представленных на нём партий, и многочисленный форум: в его заседаниях участвовали 342 делегата от 145 организаций, причём большевики оказались на нём в количественном большинстве, хотя и не могли тем самым обеспечить перевес при голосовании. И что характерно: вопросы на этом съезде обсуждались фактически те же самые, что и на предыдущем: аграрный вопрос, вопрос о вооружённом восстании, о временном правительстве и революционном самоуправлении, о партизанском движении, об отношении к Государственной думе. И это говорило как минимум о том, что разногласий между фракциями было куда больше, чем того, в чём их представители достигали согласия. Если предложение «в ближайшее воскресенье возложить от имени съезда венок на могилу К. Маркса» принималось при аплодисментах, то по вопросу о деятельности социал-демократической фракции в Госдуме (как и по любым другим вопросам тактики и стратегии социал-демократии) съезд увязал в затяжных дискуссиях, в зачитывании и обсуждении многочисленных, одно противоречивее другого заявлениях.

Между тем на заседаниях съезда обсуждались и такие подробности, как размер выделяемых крестьянам участков земли после их «отчуждения» у помещиков: съезд явно готовился уже «не сегодня завтра» приступить к национализации. Делегат Владимирский (Уханов), например, заявил по этому буквально следующее: «Ставить условием, чтобы минимальный размер отчуждаемых участков определялся органами самоуправления, невыгодно, так как крестьяне сами лучше справятся с этой задачей, с корнем уничтожив остатки крепостничества». И так или иначе, но в условиях продолжавшейся разноголосицы переход от межфракционной борьбы в составе одной партии к новому, теперь уже окончательному разделу социал-демократии на разные партии был лишь вопросом времени.

Очевидная занятость партийцев этим вновь нарождавшимся расколом способствовала, среди прочего, спаду революционной борьбы. Приносила свои плоды и целенаправленная политика Петра Столыпина по вытеснению всякого свободомыслия и его физических носителей – российских революционеров – с территории Российской империи: разобщённые, раскиданные по разным уголкам Европы, без средств к существованию российские социал-демократы теоретизировали и спорили друг с другом больше на расстоянии и, главное, в отрыве от событий на родине, о которых узнавали постфактум, судили по сообщениям из газет или от немногих, редко появлявшихся очевидцев. Последний пленум избранного ещё в 1907 г. ЦК состоялся в 1910 г. Кроме того, длань министерства внутренних дел, которое до своего назначения премьером возглавлял всё тот же Пётр Столыпин, простиралась и сюда, в Западную Европу: оказавшийся впоследствии тайным агентом Р. В. Малиновский был не только избран в новый руководящий орган на Пражской конференции РСДРП в 1912 г., но и представлял большевиков в составе социал-демократической фракции в IV Госдуме. Несмотря на то, что для участия в этой конференции собралось рекордно малое количество

[17] V съезд РСДРП (май—июнь 1907 г.): Протоколы. Под редакцией Ем. Ярославского. – М. – Партиздат. – 1935.

делегатов – всего 14 человек, и на нее демонстративно не приехали получившие специальные приглашения Г. В. Плеханов и А. М. Горький, Ленин объявил её общепартийной, настаивая на том, что и её решения поэтому должны быть обязательными к исполнению всеми членами партии. Вместе с провокатором Малиновским в новый ЦК был избран, разумеется, сам Ленин и его ближайший соратник Г. Е. Зиновьев. Главное, что произошло на той конференции – это окончательное размежевание Ленина и его сторонников с теми партийцами, которые допускали возможность и пропагандировали необходимость политического сотрудничества с другими партиями. Для Ленина это небезосновательно означало бы ликвидацию партии в том виде, в каком он её себе представлял, то есть как боевую, дисциплинированную и сплочённую вокруг своего руководства организацию, спорам в которой не было места. Поэтому пропагандистов таких идей он прозвал «ликвидаторами». Так окончательно оформился в самостоятельную организацию большевизм. А созванная в Вене в августе 1912 г., то есть всего через полгода после Пражской и как бы в противовес ей другая конференция, хотя и собрала вдвое большее количество делегатов (29 человек), однако лишь укрепила этот новый для российской социал-демократии статус-кво.

В это время на родине, в России, ещё в период проведения V съезда РСДРП, премьер Столыпин приступил к подготовке аграрной реформы, долженствовавшей не только лишить русских революционеров почвы для политических спекуляций на крестьянской проблеме, но и обеспечить трудолюбивую прослойку – именно её, а не вообще всех крестьян! – возможностью роста своего благосостояния. Столыпин в этой работе делал ставку не на общинное землевладение, при котором развитие производства на земле тормозили лентяи и пьяницы, а на сознательного крестьянина-единоличника, кровно заинтересованного в результатах своего труда. Такой крестьянин, как справедливо полагал Столыпин, мог и должен был стать опорой царизма на селе. Кроме того, попутно такой крестьянин обеспечивал бы своей продукцией и внутренние потребности страны, и экспорт. Причём занимавший до своего переезда в Петербург посты губернатора Гродненской и Саратовской губерний Столыпин хорошо знал, чего можно ожидать от хитрого русского мужика: например, что он будет брать денежные кредиты на обработку земли, а затем их пропивать. С одной стороны, единоличников нужно было стимулировать, и поэтому проценты по кредитам для них были вдвое меньше, чем для общинных объединений. Кроме того, принятый в июне 1910 г. закон провозглашал, что «каждый домохозяин, владеющий надельной землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». С другой стороны, землю у единоличников – в случае, если они переставали обслуживать даже и вдвое меньшие, нежели у общинников, кредиты, – отбирали и снова пускали в торговый оборот. В итоге в течение 1905–1914 гг. крестьяне приобрели по кредитной системе почти 9,5 млн. га земли, работали на ней, увеличивая своё личное благосостояние и благосостояние государства в целом.

Другой важной частью столыпинской аграрной реформы стало массовое переселение крестьян на свободные земли – в Сибирь, а также на Дальний Восток, в Среднюю Азию и на Северный Кавказ. Переселение это было сугубо добровольным, причём в этом случае землю передавали вообще без какого-либо выкупа. Знаменитые «столыпинские» вагоны с заботливо выделенными секциями для перевозимого из Центральной России крестьянского скота, как и услуги землемеров на местах (пусть их не всегда и хватало), а также устройство за счёт государства школ и врачебных приёмных на местах стимулировали переезд. Вот, казалось бы, и решение пресловутого «крестьянского вопроса» – такое, о котором мог бы мечтать любой, самым решительным образом настроенный социал-демократ. Но вся столыпинская аграрная реформа продвигалась со «скрипом»: многие из уехавших от родных мест в поисках «земли обетованной» крестьян возвращались, потеряв то не многое, что у них было до отъезда, голодные и озлобленные. Помимо объективных причин главную негатив-

ную роль в этом играло отсутствие моральной поддержки реформ в крестьянской массе: всё, что исходило от царского правительства, для натерпевшихся за века от феодального произвола самих крестьян и тем более для тех, кто пытался их возглавить в стане левых партий, в особенности для большевиков и их союзников эсеров, представлялось неприемлемым, и было лишь новым «завуалированным закабалением» крестьянства.

Столыпин тем не менее упорно искал решения многочисленным накопившимся проблемам: развивал земское самоуправление, подготовил целый пакет законопроектов, касавшихся урегулирования взаимоотношений между городскими пролетариями, хозяевами производства и государством. Законы эти предусматривали страхование от несчастных случаев, регулировали продолжительность рабочего времени и прочее. Но по тем же причинам, по которым не заладилась аграрная реформа, и ввиду общей неразвитости отношений между трудом и капиталом, отставания России в этом вопросе от промышленно развитых европейских стран компромиссы в этих аспектах, к вящей радости революционеров всех мастей, также фактически не были найдены.

Тем не менее начало решению проблем в обществе было положено, и другие вопросы, в том числе национальный, также не оставались вне поля зрения энергичного премьера Столыпина: он вплоть до своей смерти от руки убийцы в 1911 г. выступал за создание отдельного министерства по делам национальностей. Такое министерство в первом большевистском правительстве возглавил, как известно, Иосиф Сталин (Джугашвили), который весьма своеобразно решал эту серьёзнейшую, накопленную за столетия самодержавия проблему: целые народности физически переселялись со своих исконных земель в глухие места новой, советской империи – в том числе в отделениях для скота в тех самых, «столыпинских» вагонах, а национализированную, отобранную у работящих «кулаков» землю раздали – к радости многочисленной ленивой прослойки – в общинное колхозное владение (как раз то, от чего пытался всеми силами избавиться Столыпин), десятилетиями затем тормозившее производство на селе.

Историческая фигура Петра Столыпина многогранна и противоречива и во всяком случае не может выглядеть, как это хотелось бы представить тем, для кого привычкой стало обожествление исторических личностей, однозначно положительной. Наведение «порядка» военно-полевым способом, по-столыпински, загнало революционную активность в такое подполье, в котором оно, формируясь в новых условиях, готовило выступления куда более опасные, чем до того. Таким образом Пётр Столыпин, сам того не ведая, фактически сыграл «историческую» роль в становлении и укреплении большевизма.

Но главное, что угрожало общественному спокойствию даже и безо всякой революционной деятельности, – это иногда затухавший, но всегда разраставшийся с новой силой на разных территориях огромной империи голод. На той самой Пражской конференции РСДРП в январе 1912 г. среди прочего обсуждался и вопрос об отношении социал-демократии к этому явлению. Безусловно, для большевиков и всех других партий из левой части политического спектра именно голод оставался одним из главных аргументов в идеологическом споре с самодержавием. Последствия половинчатости реформы 1861 г., систематические недороды провоцировали вспышки смертности по всей империи как во второй половине XIX., так и в начале XX в. Строго говоря, голод не прекращался в эпоху самодержавия никогда, обращая на себя внимание тогда, когда гибель людей становилась особенно массовой. Только в 1901–1912 гг., по разным оценкам, в России от голода погибли около 8 млн. человек. И в этих-то условиях, когда хлеба катастрофически не доставало для удовлетворения внутренних потребностей страны, Россия активно вывозила его на продажу за рубеж: получая в оплату этих поставок валюту, правительство таким образом укрепляло введённый под руководством министра финансов С. Ю. Витте ещё в 1897 г. так называемый «золотой стандарт» рубля. Весьма похвальное устремление, если не учитывать миллионов умер-

ших от голода. Начало этой людоедской политике положил предшественник Витте на посту министра финансов Иван Вышнеградский, которому приписывают произнесённую по этому поводу фразу: «Не доедим, но вывезем!». Однако не доедали и погибали в Российской империи крестьяне и рабочие, а не министры царского правительства.

Ввиду всех этих факторов никакие самые, что называется, благие пожелания премьера Столыпина не могли ни изменить общего положения дел в стране, ни отношения к нему самому как к политической фигуре, нёсшей ответственность за все тяготы жизни народа. Настроения в российском обществе начала XX в. были таковы, что любой премьер, остававшийся верным монархии, даже если и предпринимал усилия в сторону демократизации, заведомо был бы злейшим врагом с точки зрения революционеров. Тем более такой премьер, который обеспечивал, причём не всегда безуспешно, относительный порядок и спокойствие в обществе с помощью военно-полевых судов.

До 1911 г. на Петра Столыпина было совершено десять неудавшихся покушений – вплоть до момента, пока очередное, одиннадцатое по счёту, не принесло свои «плоды». Маховик противостояния с царизмом, однажды, в январе 1905 г., запущенный самим царизмом в Петербурге, уже невозможно было остановить – даже и с учётом отъезда за рубеж главных организаторов политического террора. Для «решительных действий» находились и одиночки, ответственность за преступления которых не брала на себя ни одна партия. Так произошло с поверенным Дмитрием Богровым, совершившим покушение на премьера Столыпина 1 сентября 1911 г. в Киеве. Газеты очень по-разному оценили это событие. Демонстрировавшая лояльность в отношении правительства газета «Московские ведомости», – каковая лояльность проявлялась ею в том числе в сугубо националистических высказываниях, – акцентировала внимание читателей на этнической принадлежности убийцы. В номере от 3 сентября 1911 г. эта газета высказалась по поводу покушения на Столыпина следующим образом: «Среди разгара радостных торжеств Киева [по случаю открытия памятника Александру II. – *А. А.-О.]* совершилось злодеяние, которое вызывает ужас и негодование всей России. Выстрелами убийцы, *какого-то ничтожного адвоката из евреев* Багрова тяжело ранен председатель Совета министров Пётр Аркадьевич Столыпин» (выделено мной. – *А. А.-О.*). Далее эта старейшая газета России, созданная усилиями М. В. Ломоносова ещё в 1755 г., справедливо замечает по адресу Столыпина, что «его политику могли критиковать и справа, и слева, но никто не мог отрицать, что он настойчиво и неуклонно развивал в России не что иное, как свободные учреждения, которые старался соединить с монархическим началом… Каждый мог критиковать ту или иную сторону его проектов, но нет человека, который бы не мог видеть в П. А. Столыпине искреннего поборника прав и благосостояния всех классов русского народа». «Только евреи, – делает далее неожиданное заявление газета, – которых эксплуатацию он хотел сколько-нибудь парализовать, конечно, могли на него озлобиться» (за что же, если Столыпин хотел «парализовать», то есть устранить их эксплуатацию?!). Через несколько дней, 5 сентября 1911 г., Столыпин умер от ран.

В том, что касается реального положения русских рабочих и отношения к ним со стороны правительства, то уже после гибели Столыпина, но очевидно по инерции проводившейся им в течение длительного времени политики подавления инакомыслия в любом его виде, беспощадно подавлялись и выступления рабочих, выдвигавших требования улучшения своего действительно тягостного положения. Так, 4 апреля 1912 г. произошла кровавая трагедия на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, когда были расстреляны и пострадали, по разным оценкам, от 250 до 500 человек.

Протест вышедших на демонстрацию рабочих был вызван невыносимыми условиями труда на приисках, где даже официальная продолжительность рабочего дня достигала 11,5 часа (в действительности и того больше) – в условиях вечной мерзлоты, неудовлетворительного медицинского обслуживания, унизительных бытовых условий и т. д. и т. п. Немногим

лучше было положение всего городского пролетариата империи, что провоцировало систематические взрывы копившегося годами недовольства. Этим-то недовольством и спешили воспользоваться в своих политических целях социал-демократы и либералы всех мастей и оттенков. При том, что положение рабочих в промышленно развитых странах Западной Европы также оставляло желать лучшего, и именно в это время там так же, как и в России, наблюдался рост стачечного движения, тред-юнионистское движение в Великобритании, например, демонстрировало куда более высокий уровень организации, приносившей свои конкретные результаты. В Великобритании ещё в 1908 г. был принят закон о 8-часовом трудовом дне для рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности, и именно такого отношения к себе требовали (но получили в ответ пули) четырьмя годами позднее русские рабочие на Ленских приисках…

Так царский строй продолжал сдабривать кровью рабочих почву для установления большевизма в России. В это время сами большевики «зрели», будучи раскиданными до поры по разным уголкам буржуазной Европы, в эмиграции. С представителями других партий их роднила тоска по родине, голод и неустроенный быт. Именно здесь, как вспоминал потом в романе «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург, вновь появляется имя Владимира Антонова-Овсеенко, который, как и прочие политэмигранты, не чурался тех, с кем потом его разведёт по разные стороны баррикад политическая судьба: «“Ротонда” была не притоном, а кафе; там владельцы картинных галерей назначали свидания художникам, ирландцы обсуждали, как им покончить с англичанами, шахматисты разыгрывали длиннейшие партии. Среди последних помню Антонова-Овсеенко; перед каждым ходом он приговаривал: “Нет, на этом вы меня не поймаете, я стреляный”». Между прочим, шахматные партии Антонов-Овсеенко разыгрывал здесь в том числе с одним из лидеров боевой организации эсеров, затем управляющим военным министерством Временного правительства и будущим заклятым врагом советской власти Борисом Савинковым. Но тогда, в эмиграции, за шахматами они, судя по всему, мирно обсуждали итоги своих боевых операций на родине – ведь оба они безусловно встречались ранее в ходе Севастопольского восстания в 1906 г., когда Антонова-Овсеенко захватили во время перестрелки с полицейскими, Савинков же в это время организовывал удавшееся покушение на командующего Черноморским флотом Григория Чухнина. Так что общего у них было явно больше, нежели отличий.

Между тем с упоминаемой Эренбургом парижской «Ротондой» у русских эмигрантов было связано многое, в том числе и пропагандистская работа, которой они не переставали заниматься и на чужбине. Так, В. А. Антонов-Овсеенко и Д. З. Мануильский (Безработный) с началом войны затеяли здесь издание интернационалистской газеты «Наш голос» (затем «Слово» и «Наше слово»), выпуск которой Ленин, будучи неосведомлённым, приписывал Мартову. Тот действительно сотрудничал в этой газете, публиковал свои статьи, став через некоторое время даже её соредактором: Антонов-Овсеенко и Мануильский специально пригласили этого видного деятеля социал-демократии в газету для придания ей политического веса. Но это сотрудничество с лидером меньшевиков, завязавшееся здесь же, в «Ротонде», в дальнейшем дорого обошлось Антонову-Овсеенко и Мануильскому: Ленин гневно обрушился на них в статье «Крах платонического интернационализма»[18], вышедшей в мае 1915 г. в издававшемся в Швейцарии «Социал-демократе» и впоследствии тщательно изучавшейся во всех вузах страны в течение советских десятилетий. «“Наше Слово” фактически сдаётся на милость оппортунистов, делая при этом, однако, такой красивый жест, который можно понять в том смысле, что оно грозит оппортунистам своим грозным гневом, но можно понять и так, что оно делает им ручкой, – насмехался над Антоновым-Овсеенко и Мануильским

[18] Ленин В. И. Крах платонического интернационализма / В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. – М. – Политиздат. – 1969. – С. 187–191.

Ленин. – …Писатели “Нашего Слова” будут пописывать, читатели “Нашего Слова” будут почитывать… Действительные интернационалисты не захотят ни сидеть (скрывая это от рабочих) в старых, ликвидаторских, группировках, ни оставаться вне всяких группировок. Они придут к нашей партии».

Антонов-Овсеенко, как известно, «пришёл» в итоге к ленинской партии. Но тогда, в Париже, главным своим делом он очевидно считал не идейное размежевание, а поиск того общего, на чём можно было бы, наоборот, объединить столь разные позиции русских политэмигрантов. И делал для этого объединения всё, отдавая в том числе свои жалкие заработки на издание газеты. «Это был очень чистый человек, чистый в помыслах и делах. Жил он только идеей. Делать людям добро было для него потребностью», – напишет впоследствии один из русских политэмигрантов. И то, что парижская газета интернационалистского толка «Наше слово», удостоившаяся гневной отповеди Ленина, издавалась не на деньги германского генштаба, а на жалкие эмигрантские заработки Антонова-Овсеенко и его немногочисленных товарищей, засвидетельствовал приставленный к нему в то время тайный агент французской полиции. Однажды этот человек, предъявив значок, пригласил его прямо на улице присесть на скамью для беседы: «Не удивляйтесь! Я давно слежу за вами, но я не сделаю вам зла. Я убедился в вашем идеализме. Нет, вы работаете не на деньги ваших врагов! Я знаю, что вы живете в том же сарае, где помещается ваша нищенская типография… Вы сами ранним утром приводите ее в порядок и весь день читаете, пишете, корректируете… Третьего дня я видел, как вы везли на тележке – а это издалека, с Леваллуа Перре! – уголь для отопления вашей мастерской. Было очень холодно, но вы обливались потом… Я знаю ваши привычки, знаю, как вы кормитесь. Да вы проживаете в день не больше франка! Знаю всех ваших товарищей. Странные люди»[19].

«Я сидел, как всегда, в кафе на бульваре Монпарнас перед пустой чашкой и ждал, что кто-нибудь освободит меня и заплатит шесть су терпеливому официанту», – писал и о себе, всегда голодном в то тяжелое эмигрантское время писатель Илья Эренбург. Очевидно, что и к нему тогда, в 1915 г., – когда уже произошли столь многозначительные (для сторонников версии покупной активности большевиков) сношения бывшего российского социал-демократа Александра Парвуса (Гельфанда) с властями в Берлине, – не поступало из этого широко разрекламированного источника ни одной германской марки…

[19] Ракитин А. В. А. Антонов-Овсеенко. Документальный биографический очерк. – Лениздат. – 1975. – С. 46.

Глава 2. Война. Внутренний фронт

К прибытию в июне 1914 г. наследника австрийского престола Франца Фердинанда в Боснию для участия в военных манёврах сербские террористы, как и официальные власти, подготовились тщательно: в акции на всякий случай приняли участие шесть человек, вооружённых бомбами и револьверами. И «всякий случай» действительно наступил: первые из тех, кому было удобно стрелять и метать бомбы по ходу движения кортежа эрцгерцога по улицам Сараево, попросту разбежались; «удачно» – для пассажиров третьей машины и окружавших её зевак, а не эрцгерцога, – метнул бомбу только один из них. Наследник с супругой, успокоившись, через некоторое время продолжили участие в мероприятиях, передвигаясь по городу в открытом авто. Но тщательная подготовка полностью себя оправдала. Самым решительным из шестерых оказался студент Гаврило Принцип, который разрядил обойму револьвера в эрцгерцога и его несчастную супругу прямо на глазах у охраны, членов свиты и многочисленной толпы. Оба, истекая кровью, умерли в течение получаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.